

Содержание

Исследования по отечественной истории

<i>С.Н. Искюль.</i> К характеристике русского общества в 1812 году	7
<i>М.М. Сафонов.</i> «Во мне видеть должно главнейшее лицо в последнем покушении...» (Г.С. Батенков в Следственном комитете).....	27
<i>П.Д. Николаенко.</i> Как В.П. Кочубей торопил М.М. Сперанского в подготовке Свода законов	66
<i>Т.Н. Жуковская.</i> «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь российских университетов в первой половине XIX века	74
<i>Б.Ф. Егоров.</i> Старшие славянофилы о власти и обществе	90
<i>Ю.А. Сафронова.</i> Дискуссия об ответственности русского образованного общества за революционный террор. 1879–1881 гг.	103
<i>Н.В. Мигаев.</i> Коммерческая инициатива российских учёных и военное ведомство. XIX век	113
<i>В.В. Лапин.</i> Национальный вопрос и проблема «надёжности» в армии России (XIX — начало XX века).....	127
<i>В.Л. Степанов.</i> Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге	145
<i>Н.С. Андреева.</i> Русское общество Прибалтийских губерний в начале XX века: правительственный взгляд	169
<i>С.Г. Петров.</i> Псковское губернское земство в общественно-политической жизни региона в начале XX века (1905–1912 гг.).....	179
<i>Л.А. Булгакова.</i> Невенчаные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны	183
<i>С.К. Лебедев.</i> Рафаловичи: деньги, литература и политика	215
<i>И.В. Лукоянов.</i> Наказанные без вины: Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства и её подследственные	226

Историография, источниковедение

<i>Д.В. Соловьёв.</i> Проекты изданий политических журналов и газет в России в 1830-е — 1850-е гг.	243
<i>Т.В. Андреева.</i> Теоретический аспект проблемы общества и общественного мнения в России во второй половине XIX — начале XX в.	256

<i>Р.Ш. Ганелин.</i> Семнадцатый год в отечественной историографии разных лет.....	269
<i>С.В. Куликов.</i> Наука — служанка политики? или О чём не написал Макс Вебер.....	281
<i>П.В. Ильин.</i> Новонайденные записки С.П. Трубецкого как источник по истории общественного движения в России 1810-х — 1820-х годов	313
<i>М.В. Друзин.</i> «Ввиду сего в интересах многочисленного населения...». Письмо пермского губернатора А.В. Болотова министру внутренних дел П.А. Столыпину о положении Уральской горнозаводской промышленности. 1908 г.	328
<i>А.Н. Цамутали.</i> Д.А. Милютин и его «Старческие размышления о современном положении военного дела в России».....	359
<i>Е.Ю. Дубровская.</i> Материалы финляндских архивов по истории российской армии и флота периода Первой мировой войны.....	383

*Исследования
по отечественной
истории*

К характеристике русского общества в 1812 году

История «достопамятной войны» изучена наиосновательнейшим образом, но история 1812 года до сих пор так и не написана. Одной из причин этого, едва ли не парадоксального, обстоятельства является то, что так сказать «внутренняя» история войны, история российского общества оказалась заслонённой собственно военной историей войны. Отдельные экскурсы в историю «общественную» (например, основательные исследования А.Н. Попова)¹ скорее были исключением из правила. На первом плане была и по-прежнему остаётся именно военная история 1812 г. На это важное обстоятельство обратил внимание ещё в начале позапрошлого столетия видный военный историк К.А. Военский в предисловии к подготовленной им публикации «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года».² Но завершить это важное и полезное издание, введившее в оборот множество неизвестных, часто «неожиданных», ценных источников, которые позволяли взглянуть на события войны под несколько иным, отличным от принятого и привычного, углом зрения, автору не удалось. Коллективное издание «Отечественная война и русское общество»³ уже заметно отличалось от сложившейся к тому времени официальной точки зрения в трактовке событий 1812 г. В нём заметно большое внимание уделялось именно обществу, сословным настроениям и общественному мнению в разные годы царствования Александра I, включая и, разумеется, 1812 г.

К 100-летию юбилею войны было выпущено немало документальных сборников — достаточно назвать известный сборник П.И. Щукина — других документальных публикаций, но, несмотря на, казалось бы, открывавшиеся благоприятные возможности в изучении истории общества, вкус к подобному рода исследованиям если и не был утрачен, то в значительной мере и до сих пор определяется, где концепцией, которая сложилась в историографии на протяжении ряда лет с 1917 г. по 150-летний юбилей 1812 г. весьма заметно влияние господствовавшей идеологии. Между тем, такие исследования, с привлечением разнообраз-

¹ *Попов А.Н.* Москва в 1812 г. (Русский Архив. 1875. Т. II—III; 1876. Т. I—II); «Отечественная война: от Малоярославца до Березины» (СПб. 1877); «Славянская заря в 1812 г.» (Русская Старина. 1892. № 12; 1893. № 1), «От Смоленска до приезда Кутузова в армию» (РС. 1893. № 11, 12), «Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры» (РС. 1897. № 6—10) и др.

² Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича, под ред. К.А. Военского. Т. 1—3. СПб., 1909—1912.

³ Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Т. I—VII. СПб., 1911—1912.

ных материалов, в изобилии опубликованных в исторических журналах и отложившихся в архивах, существенно раздвинуло бы и разнообразило имеющиеся представления об «общественном» фоне войны 1812 года.

Война 1812 года завершила собою первую половину александровского царствования. Однако от внимания современников не ускользнуло то обстоятельство, что сам император без всякого удовольствия вспоминал об этом времени и не выказывал желание посетить места сражений в России, между тем как с любопытством осматривал поле битвы, которое французы долго еще называли сражением при Мон-Сен-Жане пока затем утвердилась английская «версия» — при Ватерлоо. Императору доставляло несомненное удовольствие вспоминать о войнах 1813–1814 гг. и, конечно, о смотре русских войск в Вертю. Это вполне отвечало и умонастроению, и самому характеру императора: в 1813–1814 гг. он непосредственно участвовал в военных действиях и даже подвергал себя некоторой опасности, но главное он считал себя инициатором освободительной войны от ненавистного ему «наполеонова владычества» и был руководителем многих и дипломатических, и военных деяний.

Совсем не то кампания 1812 года; здесь на первый план для Александра I выступали тягостные унижения, неприятности, «бедствия», а то, что дало возможность в целом успешно завершить кампанию, в сущности, не зависело от воли императора. Воспоминания о войне 1812 года отмечены были для него памятью о вынужденном бездействии в Петербурге, где государю приходилось едва ли не скрываться, во избежание необходимости выслушивать обвинения в слабости, а также бороться с разладом в собственной душе и противоборством внутри семьи. Отмечены были эти воспоминания и тем, что его военные планы не осуществились, и содействие трёх русских армий в деле охвата Великой армии на путях из Москвы так, как того хотел Александр, не состоялось. До поры, до времени он отклонял «приглашения» прибыть к армии, ибо не желал оказаться перед необходимостью спасаться бегством в случае неудачи, как всё бежало из Москвы перед вступлением туда французов. Потом уязвление самолюбия выразилось в ожидании военного успеха, а он, если и случался, то не казался таким впечатляющим, чтобы загладить впечатление об отступлении армии и потери одной из столиц.⁴ В согласии с государем генерал-адъютант и начальник Главного штаба П.М. Волконский с некоторых пор вообще считал, что «давно бы пора перестать говорить о кампании 1812 года или по крайней мере быть скромнее».⁵

Всё это вкупе с тем, что императору становилось известным из переписки с такими деятелями 1812 года как Ф.В. Ростопчин, способствовало

⁴ Correspondance de Alexandre I avec sa soeur. SPb., 1910. P. 83–93.

⁵ РА. 1875. № 5. С. 90.

тому, что у Александра I сложилось убеждение в том, что, как потом уже высказывался выдающийся российский историк М.П. Погодин, «война 1812 года принесла России более безславия, чем славы». ⁶ Нельзя забывать, что сдача и пожар Москвы произвели на государя потрясающее впечатление: он пережил мучительные, незабываемые минуты страха, впервые обратившись к Евангелию и до конца дней своих не любил вспоминать об том времени, когда ощутил колебание устоев, на которых покоилась империя, и трепет за свою судьбу. Поэтому он и отрещивался от войны 1812 г., относя благополучный исход её к Божественной воле.

К этому присоединилось и то обстоятельство, что из различных и вполне надёжных источников государь был осведомлён о том, как проявили себя те или иные сословия в годину нашествия.

В разговоре Александра I с С.Г. Волконским, который имел место на исходе 1812 г., когда государь расспрашивал князя о настроении сословий, прозвучал вопрос: «А дворянство?» На что последовал такой ответ: «Государь! Стыжусь, что принадлежу к нему — было много слов, а на деле ничего». ⁷ Услышав это, император «взял меня за руки и сказал: «Рад, что вижу в тебе эти чувства; спасибо, много спасибо». Такое «сочувствие» государя и флигель-адъютанта показательно; собеседники имели в виду не дворянство армейского или гвардейского офицерства, а те широкие слои столичного и поместного дворянства, на плечи которого легла обязанность на деле доказать свою приверженность престолу и готовность к жертвенности перед лицом испытаний.

Суждения сродни тому, что высказал князь Сергей Григорьевич, не единично. Сохранился столь же, на первый взгляд неожиданный, но ещё более суровый отзыв современника: «В годину испытания <...> не покрыло ли оно (дворянство. — *С. И.*) себя всеми красками чудовищнейшего корыстолюбия и бесчеловечия, расхищая всё, что расхитить можно было, даже одежду, даже пищу, и ратников, и рекрутов, и пленных, несмотря на прославленный газетами патриотизм, которого, действительно, не было ни искры, что бы ни говорили о некоторых утешительных исключениях?» ⁸

«Всякий малодушный дворянин, — писал московский генерал-губернатор и главнокомандующий Москвы граф Ф.В. Ростопчин Александру I в письме от 14 декабря 1812 г., — всякий бежавший из столицы купец и беглый поп считает себя, не шутя, Мининым и Пожарским, потому что один из них дал нескольких крестьян, а другой несколько гро-

⁶ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. СПб., 1888. С. 83.

⁷ Волконский С.Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). С послесл. издателя князя М.С. Волконского. СПб., 1902. С. 193.

⁸ Сушков Н.В. Из записок времени Императора Александра I // Вестник Европы. 1867. Кн. 2. С. 197.

шей, чтобы спасти этим всё своё имущество». ⁹ Тот же Ростовчин 26 января 1813 г. в письме к М.С. Воронцову отмечает «тупую гордость» во всех сословиях, «в каждом сознание, что без него государство бы погибло». ¹⁰ Упрекавший других в патриотическом самообольщении московский главнокомандующий, на самом деле более всех страдал этим недугом, но, тем не менее, действительность была весьма далека от того, что являл собою в разных вариациях апофеоз деяниям 1812 года.

На деле слишком часто оказывалось так, что даже когда дворяне жертвовали «всем», по выражению мемуаристов и историков первой половины позапрошлого века, когда губернские собрания постановляли «не щадить в случае сем не только своего достоинства, но даже жизни до последней каждой капли крови», оно никогда не забывало своих интересов. Русские дворяне смотрели на французов не столько, может быть, как на врагов России, сколько на тех, кто покушался на собственное их благополучие. Поэтому они и опасались, что с приходом французов крестьяне примутся бунтовать. Поскольку же на крепостном праве зиждилось их благополучие, постольку они отвечали готовностью идти на жертвы ради того, чтобы изгнать из страны «врага рода человеческого». Защита собственности побуждала дворян к содействию. Тем более что призывы властей нередко облекались в категорическую форму, как показывает, к примеру, дело о сборе с московских граждан миллиона рублей на покупку волов. В отношении министра полиции московскому главнокомандующему определённо говорилось, что государю угодно искомую сумму «составить или добровольным приношением или сбором посредством общей раскладки». ¹¹ На призыв о добровольных приношениях откликнулось 42 человека, а явились только трое, да и то не природных русских, а иностранцев. ¹² Большую часть суммы пришлось добывать путем раскладки.

В то же время власти, при всегдашней своей подозрительности к дворянству из опасений встретить проявления самостоятельности, даже всякого рода пожертвования рассматривались не как патриотический долг, а как правительственная прерогатива. Поэтому, отчасти, дворянство, даже подписавшись на вполне определённые суммы, не спешило расстаться с ними, ожидая соответствующих распоряжений.

В дневнике саратовского протоирея И.Г. Скопина, встречается такая запись: «Месяц Август. 15-го. По отмене милиции, никто из дворян

⁹ Русская Старина (далее РС). 1893. № 1. С. 187.

¹⁰ Архив князя Воронцова. Кн. 8. М., 1876. С. 469.

¹¹ РС. 1889. № 12. С. 666.

¹² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным (далее Щукин). М. 1897. Ч. 2. С. 110–113.

и купцов не пожертвовал. Вот патриоты отечества! Жалкие люди... Так-то любят защищать то местопребывание, которое их покоит. Умы ещё в России не созрели. Да и долго не созреют».¹³ Поэтому, по аналогии с отношением, вышедшим из-под пера московского обер-полицмейстера и направленного в Управу благочиния 19 апреля 1813 г., надо полагать, ряд добровольных пожертвований фактически в кассу так не поступил: а другие из подписавшихся на разные суммы в пользу московского ополчения, внести обещанные деньги просто напросто «забыли». Когда же, на основании имевшихся списков жертвователей, соответствующие комитеты вознамерились заполучить обещанные деньги, в Москве, к примеру, их не оказалось, а раз так, то «на том дело и остановилось».¹⁴

С дворянскими ополчениями, делом, более, так сказать, «осязаемым», нежели пожертвование деньгами или «вещами», которые всегда имеют обыкновение исчезать неизвестно куда, в 1812 г. тоже было далеко не всё гладко. Ополчения эти, естественно, сплошь состояли из крестьян, и душевладельцы тщательно наблюдали свои интересы. Сдавая в ополчения ненужных в хозяйстве или вредных по поведению своему крестьян, они были уверены, что, по примеру милиции 1806 г., получат за этих ополченцев рекрутские квитанции, а, значит, в накладе не будут.

«В Тульской губернии также набрано было ополчение, но в меньшем размере против московского; с наших деревень пошло 30 ратников, — вспоминал Д.Н. Свербеев. — Тут, конечно, всякий старался соблюсти свои выгоды; отдавались люди пожилых лет, не отличного поведения и с телесными недостатками, допускаемыми, как исключение, для этого времени в самых правилах о наборе ополченцев...»¹⁵ При таких условиях, ополченная «повинность» нередко переносилась на зажиточных крестьян, которые должны были вместо себя ставить рекрутов. Поэтому манифест от 3 ноября 1812 г. и слова о том, что крестьяне «охотно и добровольно» вступали в ополчение, вызывает решительное сомнение. Тем более что многие документы эпохи говорят скорее об обратном. Известная мемуаристка А.Г. Хомутова в своих воспоминаниях свидетельствует, что сдача в ополченцы «на каждом шагу» сопровождалась «раздирательными сценами».¹⁶ В воспоминаниях другого современника отмечается, что отдача в рекруты в 1812 г. «по тогдашнему обыкновению обязательно» сопровождалась воем и плачем, раздававшимся <...> как у самого рекрутского присутствия, так и по прилегающим к нему улицам».¹⁷

¹³ Из дневника И.Г. Скопина // *Хованский Н.Ф.* Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов. 1912. С. 9.

¹⁴ Шукин. М., 1903. Ч. 7. С. 122–128.

¹⁵ *Свербеев Д.Н.* Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. М., 1899. Т. 1. С. 74.

¹⁶ Русский Архив (далее РА). 1891. № 11. С. 319.

¹⁷ Шукин. М., 1898. Ч. 3. С. 256.

С организацией полков на собственный кошт тоже бывало всякое. Ростопчин писал в письме от 22 августа 1813 г.: «Тайный советник Демидов (Николай Никитич. — С. И.) и камергер князь Гагарин (Николай Сергеевич? — С. И.) просили дозволить каждому из них обмундировать полк; однако они об этом и не позаботились. Первый из них пробыл некоторое время в армии, где его поведение было весьма подозрительно. Второй отправился из Можайска и Нижний Новгород, откуда воротился сюда. Демидов имеет 300 000 годового дохода, Гагарин столько же, но они и не думают выполнить обязательство, принятое ими на себя добровольно».¹⁸ Впрочем, известно, что Н.Н. Демидов участвовал в генеральном сражении войны во главе своего полка, как что возможно Ростопчин ошибся и, к примеру, вместо «1812» написал «1813»...

Казацкий же полк графа М.А. Дмитриева-Мамонова, о котором всегда упоминается, когда заходит речь об энтузиазме 1812 г., после того, как был сформирован, «не был в действии», то есть в освобождении российских пределов никак себя не проявил, а сами «мамоновцы отличались только своеволием, следствием которого было сожжение одного селения, где они стояли». Но это имело место уже в Германии, и «...несмотря на то, что командир полка заплатил жителям все убытки, происшедшие от пожара, главнокомандующий сделал Мамонову столь строгий выговор», что Мамонов вскоре подал в отставку. В феврале 1816 г. граф был уволен для лечения за границу,¹⁹ а сам «Мамоновский» полк был расформирован.

В «Мамоновском» полку на первых порах состоял и П.А. Вяземский, но затем М.А. Милорадович пригласил его в адъютанты, и в первом же деле — при Бородине — поэт едва не стал предметом общих насмешек. Лошадь, «которую отправил я из Москвы, не дошла ещё до меня», и, когда все отправились к «назначенным местам», Вяземский остался в одиночестве. Как и пристало поэту, он хотел было с досады застрелиться, если бы посланная из Москвы лошадь так и не пришла, но тут один из адъютантов Милорадовича предложил Вяземскому запасную лошадь. Эта запасная вскоре и была ранена пулей во время сражения без всякого вреда для седока.²⁰

Откровенно и иронично о своём участии в войне писал впоследствии и поэт Василий Андреевич Жуковский, который вступил в ряды Московского ополчения в августе 1812 и в начале февраля 1813 г. возвратился из похода:

«Вся моя военная карьера состоит в том, что я прошел от Москвы до Можайска пешком; простоял с толпою Русских крестоносцев в кустах

¹⁸ РС. 1893. № 1. С. 195.

¹⁹ Кичеев П.Г. Из семейной памяти. Граф М.А. Дмитриев-Мамонов // РА. 1868. № 1. С. 96–97.

²⁰ Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе. М., 1869. С. 40–41, 51.

в продолжение Бородинского боя, слышал свист нескольких ядер и канонаду дьявольскую; потом, наскучив биваками, перешёл в главную квартиру, с которою по трупам завоевателей добрался до Вильны, где занемог, взял отпуск *безсрочный* и теперь остаюсь в нерешимости: ехать ли назад или остаться?» К сказанному поэт добавлял немаловажные для него причины того, что он покинул ополчение: «иногда приходит мне в голову, что мне никак не для чего здесь оставаться, <...> что потеряю остаток своего имения, которого уже половину потратил (ибо мой поход стоит мне денег!)...»²¹ Важную роль играло здесь и другое обстоятельство: «Певец в стане русских воинов», напечатанный в «Вестнике Европы» в конце 1812 г., приобрёл к тому времени громкую и заслуженную популярность, а в условиях всё продолжавшейся войны, когда одни герои выдвигались на передний план, а слава других тускнела, автору следовало считаться с мнением тех, от кого зависела оценка или переоценка тех или иных репутаций.

«Героём» войны, но в другом роде, был и рязанский предводитель дворянства Лев Дмитриевич Измайлов, избранный начальником местного ополчения. Владелец одиннадцати с лишком тысяч душ, а значит человек весьма состоятельный, генерал-майор Измайлов мог себе позволить не только собрать, но и содержать на своем «коште» многих ополченных офицеров, снабдив их оружием, обмундированием, съестными припасами и даже деньгами «без отдачи». Человек это был изрядно сильный — как никак «повалил нескольких губернаторов», всюду имел нужных людей, всегда мог замять дело щедрыми подачками, а участие в ополчении 1812 г. привнесло к его образу ещё и толику геройского ореола. Участвовать в боевых действиях пришлось ему уже в Германии, при осаде Гамбурга и других крепостей, за что пожалован он был в генерал-лейтенанты и табакеркой с портретом государя. Но, по возвращении начальника Рязанского ополчения домой, его «молодеческие» подвиги в конце концов обратили на себя внимание. «Пытошные» палаты, где изощрённо пытались провинившиеся крестьяне, и постоянно обновляемые сельские «гаремы» находились уже явно в противоречии с духом времени, и начавшееся следствие могло кончиться для генерала в лучшем случае опекой, если бы не своевременная смерть рязанского предводителя.

Бывало в 1812 г. и нечто посерьёзнее. 9 декабря среди ратников Пензенского ополчения — 4 пехотных и 1 конный полки, и при них артиллерийская рота, формировавшиеся в Пензе, Мокшане, Саранске, Инсаре, Чембаре и Краснослободске — вспыхнул бунт, который продолжался несколько дней. Ополченцы отказались идти в поход, требуя, чтобы им

²¹ Жуковский — Тургеневу, 9 марта 1813 // Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. Ред. и примеч. П.И. Бартерева. М., 1895. С. 97–98.

показали манифест, и говорили, что показанный им текст манифеста не настоящий, так как в нём нет, якобы, «красной печати», которая удостоверяет его подлинность. Осаждённых в одном из домов офицеров, ратники собирались отвести к казакам, «которые приехали судить дворян, и те, кто найдётся виновным, того и на виселицу...». Под угрозой «нового полковника» из бунтовщиков зазечь дом, офицеры вынуждены были выйти наружу. Их посадили в острог. «Адъютант ополченного полка» Шишкин записал в своих воспоминаниях такие угрозы по своему адресу: «Нет, это вишь *не Пугачёво*: тогда вас не всех перевешали, а нынче уж не отделаесть! Нет! полно вам властвовать!»

Бунт был подавлен направленными в город казаками с конной артиллерией под прикрытием башкирских полков. По словам Шишкина, «три дня лилась кровь»: по итогам следствия комиссии военного суда, до 300 ратников были уличены вместе с полковником-самозванцем в том, что были более других виновны в возмущении. Многие были взяты с поличным, то есть «с грабленными вещами». ²² Решением комиссии военного суда от 20 декабря 1812 года, шестерых «зачинщиков бунта и неповиновения против начальства» наказали «виселницею», 28 «последовавших по внушению первыми к буйству и неповиновению» приговорили к наказанию «шпиц рутен чрез полки по три дни по разу», 91 человек «малоучаствующих» получили наказание в виде «шпиц рутен чрез полки по три дни по разу». ²³ Остальные были отправлены на каторгу, поселение, в вечную службу по сибирским гарнизонам.

Своеобразная картина «разномыслия» наблюдается в 1812 г. и духовном сословии. Впрочем, военное священство несло свой крест наравне с остальной армией, и его подвижничество не подлежит сомнению.

«Разномыслие» касается, так сказать, духовенства гражданского. Образцом жертвенного служения можно рассматривать деятельность смоленского подвижника о. Никифора (Мурзакевича), который участвовал в обороне Смоленска, рискуя жизнью, обихаживал и исповедовал русских солдат и офицеров, причащал их Св. Тайн. Во время пребывания в городе французов о. Никифор продолжал исполнять свой долг, чем внушил к себе уважение властей, которые «охотно удовлетворяли его ходатайства и удерживали подчинённых от жестокостей и обид по отношению к горожанам». ²⁴ Неустанная деятельность священника на благо паствы, но главным образом его отношения с «муниципалитетом», созданным французами в Смоленске, создали ему недоброжелателей в лице

²² *Шишкин И.И.* Бунт ополчения в 1812 году // *Заря*. 1869. Кн. 8. Отд. 2. С. 112–151.

²³ *Шукин. Ч. 9.* С. 83–84.

²⁴ *Орновский И.И.* Священник Никифор Адрианович Мурзакевич (1769–1834) // Священник Н.А. Мурзакевич. История города Смоленска. Смоленск, 1903. С. 11.

архимандрита Рязанского Феофилакта и преосвященного Ириней Смоленского, расследовавших «дела об измене» в Смоленской епархии после того, как французы ушли.

Но, наряду с высокими образцами патриотизма среди священства и монашества, в 1812 г. встречаются и другие.

14 сентября в письме протоиерею села Черкутина Владимирской губернии, собравшемуся бежать при приближении французов, опальный М.М. Сперанский писал: «Не слушайте бабьих басен, будто на духовный чин нападают — совсем нет. Какой стыд бежать от пустого страха и как вам после к своим прихожанам показаться!»²⁵ Протоиерей собирался к тестю в Нижний Новгород, а Сперанский его отговаривал. Внял ли зять разумному совету — неизвестно, но он был, вероятно, наслышан рассказов о почти что библейских ужасах, будто бы творимых французами в Москве.

Между тем церкви и монастыри Москвы в большинстве своем оставались без присмотра, подвергаясь грабежу во многом потому, что священнослужителей в церквях не было. Никакого распоряжения ни со стороны Св. Синода, ни от генерал-губернатора не было, однако «духовенство московское, спасая святыню и драгоценности церковные, в большинстве, вместе с тем, ревностно заботилось и о своём спасении ... личном».²⁶ Мало того, что «начальники их [московских монастырей] и почти вся братия были в бегстве»,²⁷ так ещё и «священнослужители покинули свои приходы», а «оставленные жители, в том числе и наши раненные воины, лишены были святых таинств».²⁸

Послушник Голутвинского монастыря²⁹ сообщает о том, что привезённый из-под Бородина тяжелораненый подполковник лейб-гвардии Семеновского полка А.Я. Губерти 29 августа скончался, а поскольку «священник от Никиты мученика уехал из Москвы, да и в прочих церквях священников не оказалось», родственники послали слуг смотреть, «не проедет ли какой батюшка», чтобы пригласить его отпеть покойника. Одного такого едущего из Москвы остановили и «упросили совершить христианский обряд».³⁰ Раненный при Бородине прапорщик А.С. Норов ни словом не упоминает, были ли русские раненные посещаемы священниками в Москве.

²⁵ РА. 1892. № 8. С. 409.

²⁶ *Матвеев Н.И.* Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 года. М., 1912. С. 248.

²⁷ Записки митрополита Московского Филарета // Оснадацатый век. Исторический сборник, издаваемый П.И. Бартевым. Кн. I. М., 1869. С. 507.

²⁸ *Свербеев А.Д.* Воспоминания о московских пожарах // Вестник Европы. 1872. № 11. С. 317.

²⁹ Богоявленский Старо-Голутвинский мужской монастырь, основанный в 1385 г. в городе Коломна при впадении р. Москвы в Оку.

³⁰ *Губерти Д.В.* Отзвук Бородинского боя // РА. 1900. № 6. С. 238.

Протоиерей Кавалергардского полка о. Михаил (Гратинский), оказавшийся в Москве и оставшийся в ней, «испросил у Французского начальства позволение отправлять свободно Божественную службу». Снабжённый «письменным видом», священник выбрал уцелевшую церковь Архидьякона Евпла, к которой по его просьбе было приставлено двое солдат. В «царский» день 15 сентября, когда отмечалось коронавание Александра I, «при многочисленном, по первому удару колоколов, стечении оставшегося в Москве народа», началось первое Богослужение, «после о здравии Монарха нашего и всей Его Императорской Фамилии отправлено было молебствие с коленопреклонением, на коем, более часа, во всё время, когда народ прикладывался ко кресту, пето было многолетие и продолжался колокольный звон. Вся церковь была омыта слезами. Сами неприятели, смотря на веру и ревность народа Российского, едва не плакали».³¹ Службы в этом храме продолжались и далее.

«В праздник коронации у Никиты Мученика и в двух других церквях была служба и, по позволению начальства, благовестили, — сообщается в документе под названием «Перечень известий из Москвы» от 20 сентября. — Стечение народа было чрезвычайное; но, как по расхищению книг, сосудов, по недостатку просвир и вина, нельзя было служить обедни, то были токмо часы с водосвятием».³²

В сумятице войны, затронувшей не только «благоприобретённые», но и коренные губернии России, едва ли не всепоглощающим и всепроникающим было чувство неотвязного страха. Причем не столько страха перед внешним врагом, — хотя и это присутствовало в среде дворянства и связанной с ним бюрократии, — сколько страха иного свойства. «Я боюсь прокламаций, — писал командир 7-го пехотного корпуса Н.Н. Раевский, — чтоб не дал Наполеон вольности народу, боюсь в нашем краю внутренних беспокойств...».³³ Такое настроение в дворянском сословии было повсеместным и господствующим.

По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, «многие из помещиков опасались, что приближение французской армии и тайно подсланные от неё люди прельщениями, подговорами возмутят против них крестьян и дворовых людей».³⁴

На опасность распространения крестьянского движения указывал и масон И.А. Поздеев в письме из Вологды от 19 сентября 1812 г. к С.С. Ланскому: Упомянув о том, что «одни дворяне и их приказчики побуждают к

³¹ Рапорт протоиерея Гратинского обер-священнику Иоанну Семеновичу Державину, 5 декабря 1812 // История Кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка, с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб., 1851. Прилож. № 13

³² РА. 1864. № 11--12. С. 1196-1197.

³³ Архив Раевских./ Ред. и примеч. Б.Л.Модзалевского. Т. I. СПб. 1908. С. 154.

³⁴ Вигель Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 3. М. 1892. С. 47

повиновению Государю, дабы подати, подводы и прочие налоги давать», Поздеев продолжает: «А дворяне к мужикам остужены разсеянием слухов от времен Пугачёва о вольности, и всё это поддерживается головами французскими и из русских, а ныне паче и французами, знающими, что оная связь содержала, укрепляла и распространяла Россию, а именно, связь Государя с дворянами, поддерживающими его власть над крестьянами, кои теперь крайне отягощены наборами рекрут и так называемым ополчением <...> И далее, «при таком частом и строгом рекрутстве и наборах ожидай всеобщаго бунта против Государя и дворян...».³⁵ На ту же тему и почти в тех же выражениях Поздеев писал и графу А.К. Разумовскому, министру народного просвещения, масону, а значит собрату.

Чиновник статистического отделения Министерства полиции Готхильф Теодор фон Фабер писал в конце 1812 г. из Петербурга: «Русские помещики, <...> готовились к мятежу своих крестьян».³⁶

Вообще, настроение правящих кругов в 1812 г. было вполне типично. Рабовладельческое общество растерялось до последней степени и утратило способность оценивать факты по действительному их удельному весу. Оно колебалось меж опасениями и надеждой на благополучный исход событий. Поводом для тревоги и паники, была угроза социального переворота, и хотя скоро факты стали указывать на противоположные настроения Наполеона, паника продержалась до конца войны. Крепостной строй в начале XIX в. ещё не изжил себя. Его мог опрокинуть лишь внешний толчок. Дворянское общество это если не понимало, то хорошо чувствовало.

Откровенно, более того, цинично, характеризует в своих записках сущность дворянского патриотизма Ф.В. Ростопчин: тогда, в 1812 г., русский человек, выражая своё отношение к происходящему и «забывая о своём рабстве, негодую на оковы, которые готовит ему иностранец, предпочитает смерть позору — быть побеждённым».³⁷ Возможно, это было и так, и русский дворянин забывал о собственном рабстве, но по одной причине — для него был дорог собственный крепостной, потерей которого угрожало ему нашествие.

Именно это имел в виду А.П. Ермолов, когда писал о том, что главнокомандующий 1-й Западной армии, не будучи уверенным в том, как поведёт себя основное население, распорядился обнародовать прокламацию к жителям Смоленской губернии, приглашая их «противостать неприятелю, когда дерзнёт поругаться святыне, в жилища их внесёт грабёж, в семейство бесчестие женам».³⁸

³⁵ РА. 1875. № 9. С. 13.

³⁶ РА. 1902. № 1. С. 36.

³⁷ РС. 1889. № 12. С. 674.

³⁸ *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями. Издание Н.П. Ермолова. Ч. 1. 1801—1812 гг. М., 1865. С. 149.

По мнению сардинского посла графа Ж. де Местра, в то время обретавшегося в Петербурге, «самая грозная революция предстояла России от освобождения крестьян, стоило только появиться какому-нибудь Пугачёву, питомцу одного из университетов». ³⁹ Наполеон же, как известно, университетов не кончал, однако в этом случае, когда Великая армия ступила на русскую почву, как и в прочих, ему нельзя было отказать в здравом смысле.

Издав в российском мыслящем обществе задавались вопросом о той роли, которую могли сыграть французы в 1812 г. в освобождении народов России от уз крепостничества, дескать, более чем странно, что император французов — «сын Революции», этот «Робеспьер на коне» — отказался от тех действий и поступков, которые, казалось бы, напрашивались. И, тем не менее, как не раз впоследствии подчеркивал Наполеон, становиться «королем Жакерии» он ни при каких обстоятельствах был не намерен, и в этом отказе Наполеон всегда был последователен. Напротив, своими действиями он подчёркивал полнейшее нежелание вмешиваться во внутренние дела империи своего союзника, как он со времён Тильзита не переставал называть Александра I. Это нежелание ещё раз с очевидностью обнаруживает стремление Наполеона завершить войну переговорами и подписанием мира.

Кроме того, не желая декларировать в России освобождение от крепостной зависимости, Наполеон не хотел вмешиваться во внутренние дела и другого своего союзника — Великого герцогства Варшавского.

Не иначе как именно поэтому нижеследующее крестьянское обращение — документ уникальный, единственный в своем роде — осталось без ответа:

Жителей русаских губерний к французскому государу Наполеон. Государь! Бог хотьев чтоб русский народ не больше крипасной был, употреблял для сего силы ваши. Этот народ беден и ево обижает благородство (дворянство. — С. И.). Наши бары продают нас с родителей, или одново, как животных или отдают нас чтоб заплатить долги их. Выбор нами жены и наша жительство нам не позволено; и награждение что мы хорошо служили им нас палком дерут, а ежели жиз не отымают от того, что она им нужна. Мы желаем под новом государство идти, которой пуская нашу веру может нас защищать. И так остает нам благодарить Богу, что он нам к Вашему Величество объявить можем как защититель народов, что ево просить нас наволью пускать уверая ево от нашей верности...

Руса 30 сентября. Следуют подписи: *Филип Никитин, Иван Долов, Григорей Сафонов, Грегории Нестеров, Алексей Астанов, Алексей Кали-*

³⁹ *Maistre J. de. Lettres et opuscules inédits du Comte Joseph de Maistre. T. I. Paris, 1861. P. 267.*

нин, Сидор Комаров, Василий Брюшков, Иван Смирнов, Дмитрий Нестеров, Иван Сесачков, Яков Борисов, Ефим Мячин, Илья Кириков, Сергей Сарапкин, Яков Антонов и Петр Сарапкин.⁴⁰

Документ имеет отсылку «Арх. Влад. Деп. Собр., д. 1812 г.», то есть, надо полагать, был обнаружен во Владимирском губернском архиве.

Между тем, иноземное нашествие, большей частью вне зависимости от желания кого бы то ни было, способствовало распространению слухов самого различного свойства, являвшихся указанием на существовавшую напряжённость отношений между сословиями. Слухи перерастали в ропот, а затем и в волнения, сопровождавшиеся насилием по отношению к помещикам и чиновникам губернских администраций. По свидетельству француза, жившего в то время в России и хорошо знакомого с положением дел, ещё «до того, как французы подошли к Москве, и уже после оставления ими сего города, крестьяне сожгли немало помещичьих домов и в намерении обрести свободу произвели весьма большие беспорядки».⁴¹

В Витебской губернии, в Лепельском уезде, в июле 1812 г. крестьяне и мещане отказались повиноваться помещикам и чиновникам, посланным губернатором для наведения порядка. Большой ропот вызвал рекрутский набор, но, по словам одного чиновника, «кажется оный происходил более от самих помещиков, как будто для того, чтобы возбудить в крестьянах более ненависти». 19 июля имело место волнение в вотчине поручика Малышева, в которой числилось более тысячи душ. Вотчина располагалась на границе Смоленской губернии и Велижского уезда Витебской губернии. Бурмистр Малышева донёс смоленскому губернатору, что поводом к бунту послужило предписание правительства поставить рекрутов по Витебской губернии и произвести вооружение людей во временное ополчение в Поречье. Крестьяне разгромили дом помещика, разграбили усадьбу, прибили бурмистра с ключником и, связав, «повезли их к французам», но по дороге должны были их освободить. По сообщениям из тех же источников, захваченные в помещичьем хозяйстве «припасы разграбляются крестьянами», включая и рогатый скот, масло и соль. Более того, крестьяне, захватив до 5 000 четвертей ржи, «мелят её и поставляют французам».⁴²

Документы эпохи свидетельствуют о случаях членовредительства: как и в прежние времена, в 1812 г. ужас русского человека при мысли о рекрутском наборе подобен был ужасу казни, и уклонение от рекрут-

⁴⁰ *Анухтин В. П.* Сердце России. Первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну. Очерк и архивные документы. М., 1912. С. 47.

⁴¹ *Passenans P. D. de.* La Russie et l'esclavage. Paris, 1822. P. 204.

⁴² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. 14. СПб., 1910. С. 93–94, 282–283.

чины было делом вполне будничным и привычным. Новобранцев и в это патриотическое время вели в рекрутское присутствие под караулом, а уклонение от повинности преследовалось судебным порядком. Известно, например, «дело об умышленном повреждении крестьянином Василием Гавриловым у себя на левой ноге перста, избегая отдачи в рекруты». Дело состояло в том, что крестьянин деревни Прилеп Рославского уезда В. Гаврилов, «состоящий на очереди» к отдаче в рекруты, «порубил у себя на левой ноге большой перст». В остальном он был вполне здоров и годен к службе. 2 июля 1812 г. дело было представлено в Рославский земский суд, из которого передано в суд уездный, но пока суд да дело, виновный в членовредительстве бежал. Тем не менее, 28 ноября 1813 г. Гаврилов был приговорён к 500 шпицрутенам трижды, после чего (если бы остался жив) должны были определить его в солдаты или извозчики, но если оказался бы негоден, то после наказания его предписывалось сослать в каторжные работы «с зачётом помещику за рекрута». Сенат подтвердил решение Рославльского Уездного суда, но «вследствие Всемилостивейшего манифеста 1814 года Августа 30 дня, заключил о крестьянине Гаврилове всякое суждение оставить», то есть простил и от суда и следствия освободил.⁴³

Вообще, членовредительство, вероятно, не было редкостью. В тетради Владимира Павловича Шереметевского, чиновника Управы благочиния, куда записывались «докладные и настольные регистры», встречается указание на дело крестьянина сельца Солнушкова Серпуховской округи Тимофея, «повредившего у себя левой глаз избегая рекрутской отдачи», а также дело о дворовом человеке Сулове «за порезание себя ножом по горлу в отбывательство от рекрутства».⁴⁴

В селе Гребневе (Богородского уезда. — *С. И.*), — говорится в одном из документов эпохи, — по 6-й ревизии значилось 1 099 душ. «С оных в Московское ополчение отдано 110 человек. В то число в вотчину явилось при приказах Богородского земского суда 56, следовательно в неявке находится 54».⁴⁵ Таким образом, люди, принимавшие ополчение за рекрутчину, дезертировали из него так же, как из настоящей солдатчины. К тому времени и к тому же Богородскому уезду относится и рапорт в земский суд управляющего помещьем княгини Анны Александровны Голицыной от 4 июля 1812 года: «...Сего числа пополудни в шесть часов явившись в вотчине Госпожи моей в деревне Фрязиной, как видно и по мундиру, что Московскаго гарнизоннаго полка но и по объявлению действительно онаго полка 3-го Баталиона 4-й роты рядовой Алексей Лопа-

⁴³ Шукин. М., 1899. Ч. 4. С. 202-206.

⁴⁴ Шукин. М., 1905. Ч. 9. С. 334, 340.

⁴⁵ Шукин. М., 1903. Ч. 7. С. 227.

тин, котораго заметив выборной оной деревни что шатаясь по деревни взяв его представил ко мне. А как он объявил мне, что ушедши без ведома своего начальства, и не имея при себе никакого виду: то и представляю его в оный земский суд...».⁴⁶

В начале августа витебский вице-губернатор сообщил командующему корпусом П.Х. Витгенштейну, что в поветах Полоцком, Городецком и Невельском, «по внушениям неприятельскими войсками необузданной вольности и независимости», крестьяне не только вышли из повиновения помещикам, но, «ограбив и изгнав» их, «достигли высочайшей степени буйства и возмущения», так что и земская полиция не в силах их усмирить. Вице-губернатор просил прислать «приличный отряд» для «приведения в спокойствие возмущившихся». Тем временем волнения распространились и на другие уезды. В начале октября уже витебский губернатор донес Комитету министров, что для очищения от неприятеля четырёх поветов (Велижского, Суражского, Городецкого и Невельского) и для усмирения крестьян он требовал от того же Витгенштейна эскадрон конницы и 200 казаков, но ответа так и не получил.⁴⁷

В августе же крестьяне Витебской губернии распускали собранных рекрут и принуждали к тому помещиков, а некоторых освобождали вступавшие в ту губернию французы. Возникли слухи «о мнимой вольности», и крестьяне еще в октябре 1812 г. оставались «вне повиновения». Губернатор настаивал на присылке военных команд, и Военное министерство сделало о том распоряжение.

В Тверской губернии, в Едимонове, имении барона Н.И. Корфа, крестьяне после взятия Москвы поговаривали: «Как же! Станем мы лошадей готовить под господское добро. Придет Бонапарт, нам волю даст, а мы господ и знать не хотим».⁴⁸ По словам тверского помещика И.Я. Вилькинса, дворян, выказывавших намерение к бегству, собственные их крестьяне выдавали французам, «на других делали им же доносы, иных сами грабили, даже били».⁴⁹

Из далёкого от военных действий Саратова до помещицы М.А. Волковой дошла весть о волнениях в принадлежавшем ей селе Добринки Камышинского уезда Симбирской губернии. Бурмистр Григорий Шокин в письме от 12 августа сообщил своей барыне, что «вотчин Вашего Высокопревосходительства состоящих под моим управлением села Верхней Добринки крестьяне рядовые почти все без изъятия, с самого

⁴⁶ Шукин. М., 1900. Ч. 5. С. 93.

⁴⁷ Журналы Комитета министров. Царствование Императора Александра I, 1802–1826 гг. Т. 2. СПб., 1891. С. 586.

⁴⁸ Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1873. С. 48.

⁴⁹ Земледельческий Журнал. 1832. № 6. С. 315.

объявления <...> мнения Государственного Совета, о предоставлении дворянам на волю о подаче посемейных о крестьянах обоего пола списков, не вняв силы того объявления, вообразили, что чрез сие даётся им вольность быть барскими или нет и единомысленно все склонились на то что быть непременно им вольными...». При этом крестьяне «вместо того, чтобы выслушать мои советы и уговоры, ругали на оном сходе меня не яко бурмистра, но яко самага подлага человека всякими непотребными словами...»,⁵⁰ но крестьяне не стали далее бунтовать и разошлись по домам.

5 сентября тверской гражданский губернатор Л.С. Кологривов доносил генерал-губернатору принцу Георгу Ольденбургскому, мужу великой княгини Екатерины Павловны, что в Волоколамском уезде, оставшемся без начальственного надзора, «некоторых помещиков и экономические крестьяне Никольской волости <...> вышли из повиновения своим помещикам, приказчикам и старостам; при чём в имениях господ учинили грабёж: хлеб и рогатый скот расташили; из погребов одного имения вина и библиотеку отдали священнику, который, не удовольствуясь награбленным имуществом, свёл с господского двора даже последнюю лошадь».

Бунтуя, крестьяне говорили, что «отныне они принадлежат Французам, поэтому и повиноваться будут им, а не Русским властям. Чтобы прекратить бунт, Кологривов обратился за помощью к военной силе, а именно к барону Ф.Ф. фон Винцингероде, стоявшему с полками по трактам близ Волоколамского уезда. Тот прислал два полка. Во избежание распространения опасности крестьянского бунта, в уезды были направлены чиновники, коим поручено было внушать крестьянам, что «злодей, который не имеет ни веры в Бога, ни любви к человечеству, отнюдь не может быть их покровителем, а также праведным судьей и защитником, тем более что он в храмы ставит лошадей, святые образа раскалывает, украшения церковные грабит и ругается над святынею...».⁵¹ Это со временем возымело своё действие, но далеко не сразу, а лишь тогда, когда по оставлении Москвы Великая армия отступала к западным границам России. Но и тогда бежавших в леса крестьян в ряде случаев приходилось убеждать вернуться в свои селения и вооружиться против неприятеля, но, например, в Гжатском уезде «воодушевить обывателей и возбудить стремление к обороне было крайне затруднительно».⁵²

В середине октября помещик Дорогобужского уезда Павел Лыкошин, спасавшийся от французов со своими дворовыми в Бельском

⁵⁰ Отголоски 1812–1813 годов в письмах к М.А. Волковой. М., 1912. С. 31–32.

⁵¹ Слезкинский А. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году // РА. 1901. № 5. С. 7, 9.

⁵² РА. 1901. № 5. С. 19.

езде, известился о том, что его крестьяне взбунтовались и не признают русских властей. Помещик вместе с дорогобужским дворянином Бедряевым и дворовыми людьми, отправился на место бунта, но разъярённые крестьяне убили и своего барина, и Бедряева, а дворовых отпустили, пресильно избив. Узнав об этом, находившийся поблизости полковник Дибич послал для усмирения бунтарей команду, которая и подавила волнения. Двое из бунтовавших были расстреляны, а прочие подвергнуты телесному наказанию. В другом уезде дворянский предводитель начал было собирать крестьян, чтобы учредить «партизанско», но крестьяне всячески отказывались, а некоторые «селения уже перестали подчиняться властям и говорили о подданстве французам». Примечательно, что крестьяне, узнав, что предводитель хочет привлечь их к «партизанству», воспрепятствовали этому и «ополчились на границах <уезда> в числе более 300 человек», так что помещики отказались от этого намерения в опасениях как бы «не последовало смертоубийства».⁵³

Бунтовали крестьяне и подмосковного села Неплюево. «Карлик фаворита» рассказывал впоследствии, что крестьяне помещичий «дом сожгли и, что в доме было, всё разграбили <...> Они разделили всё имущество, скатерти драли на несколько штук, гардины, зановесы, обои и простыни, всё драли». Библиотеку бунтовавшие отдали священнику, поэтому она и осталась цела. Вообще же «дорогие вещи: картины, часов и бронзы, и вазы редкие были; все пропали». Мало что удалось отыскать и вернуть владельцам, но бунтовщиков наказали, чтобы другим неповадно. «Тут была большая экзекуция, — вспоминает мемуарист, — казаки и драгуны, исправник и городничий: первого бунтовщика присудили кнутом, а других — плетьюми, а прочих розгами».⁵⁴

Таким образом, для кого война 1812 года воистину была «народной» войной так это для поместного дворянства — от её исхода зависело его будущее благосостояние или разорение. И своё представление о «народной» войне дворяне в силу собственной помещичьей психологии ожидали найти у своих крестьян. Любопытно, что по окончании войны в главенствующих сословиях получило широкое распространение искреннее убеждение в том, что народ проникся этим патриотическим настроением и, движимый им, во всё время с начала войны и до его конца с энергией необыкновенной воевал с «супостатом». Они были уверены, что народные усилия сделали если не самое главное, то, во всяком случае, оказали существеннейшую услугу. Недаром они так восхваляли «на-

⁵³ Там же. С. 20–21, 25.

⁵⁴ *Якубовский И.А.* История жизни Ивана Якубовского, карлика Светлейшего князя Платона Александровича Зубова, написанная им самим // *Slavische Propiläen: Texte in neu- und nachdrucken.* Bd. 32. München, 1968. С. 116–117.

родную» войну. И, — здесь другой любопытный момент, — будучи в этом уверены, они отказывались вознаградить народ тем, что составляло для него наибольшую цену, поскольку крестьяне, по их мнению, только выполнили свой долг. Более того, как писал в середине января 1813 г. князю А.Н. Голицыну Феофилакт (Русанов) архиепископ Рязанский, которому было поручено восстановление богослужения в Смоленской губернии, большинство помещиков «просят только денег и денег, дабы, прежде всего, поправить своё, а не крестьян состояние». Многие же из них, «возвращаясь в свои деревни, отнимают у крестьян последнее, заставляя их кормиться милостынею... Бóльшая половина жителей нищенствует. Обличаемые крестьяне в присвоении себе господских вещей истязываются без пощады...».⁵⁵

Недаром Ростопчин писал Александру I 26 октября ещё 1812 г.: «Умоляю Ваше Величество распустить ополчение последнего набора; оно будет бесполезно для службы и в тягость властям. Лучше бы назначить число рекрут и составить из них полки, нежели держать по деревням этих мужиков, от которых ни разу не было ещё пользы и которые только все портили...».⁵⁶ Неслучайно поэтому в обществе высказывались опасения насчет последствий войны: представители дворянского сословия справедливо опасались, что отношения помещиков и крестьян могли выйти из привычного равновесия.

«Когда неприятель удалился, — писал впоследствии Н.И. Тургенев, — те из них (крестьян. — *С. И.*), которые были крепостными, вполне естественно думали, что такое геройское сопротивление, преодоление стольких опасностей, навстречу которым они храбро шли, стольких лишений, самоотверженно перенесённых ради общего освобождения, — давали им право на свободу. Убеждённые в этом крепостные некоторых областей не хотели более признавать власть своих господ».⁵⁷

Характерно, что ратники Новгородского ополчения, возвратившиеся из похода в державинское поместье в 1814 г., объявили своему барину, что были отпущены «на время» (так, вероятно, поняли они слова манифеста о временном ополчении) и, будучи казёнными, помещику служить не могут. Им старались внушить, что они «обращены совершенно в первобытное состояние», но они не слушались и ни в какую работу идти не хотели. Очевидно, ратники не могли себе представить, что пользование «среди своих семейств спокойствием», обещанное именованным указом от 22 января 1814 г., означает ни что иное,

⁵⁵ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 449.

⁵⁶ РА.1892. № 8. С. 554.

⁵⁷ Тургенев Н.И. Россия и русские. Т. 1 / Пер. с фр. Н.И. Соболевского. Под ред. А.А. Кизеветтера. М., 1915. С. 17.

как пребывание по-прежнему под «опекой» помещика. Обо всем этом Г.Р. Державин сообщил в письме к управлявшему тогда Министерством полиции С.К. Вязмитинову. В ответ 23 июля Вязмитинов предписал исполнявшему должность Новгородского губернатора Муравьеву внушить бывшим ратникам, чтобы они исполняли все возложенные на них обязанности и «помещику своему были совершенно послушны». Самому же Державину Вязмитинов предложил того из ратников, который «возбуждает смуту между людьми» и грубит господину, сдать в рекруты, но без зачёта, так как он, избегая рекрутчины, отрубил себе один сустав пальца.⁵⁸

Несомненно, были в годину нашествия иноземцев на Россию и отрядные примеры горячего, большей частью, юношеского, энтузиазма и гражданского служения Отечеству, воспитанные на героических и добродетельных примерах античности и позднейших эпох. Но, говоря об общей картине войны, которая вошла в жизнь русского общества в 1812 г., приходится признать, что картина эта на деле весьма и весьма отлична от той, что воспета в лирико-эпических произведениях современников.

Неслучайно поэтому молодой А.В. Никитенко, известный в будущем писатель и просвещенный цензор, занёс во время войны 1812 г. в свой дневник такие наблюдения: «Странно, но в этот момент сильных потрясений, который переживала Россия <...> всё окрестное общество равнодушно относилось к судьбам отечества». И далее, говоря о лицах, посещавших отца, управляющего имением помещицы Богучарского уезда Воронежской губернии: «...Никогда не слышал я в их разговорах ноты тёплого участия к событиям времени. Все, по-видимому, интересовались только своими личными делами. Имя Наполеона вызывало скорее удивление, чем ненависть. Словом, общество наше поражало невозмутимым отношением к беде, грозившей России».⁵⁹ По мнению Никитенко, это могло происходить от отдалённости театра военных действий, но, скорее всего, из-за «апатии, свойственной людям, отчуждённым, как были тогда русские, от участия в общественных делах и привыкшие не рассуждать...»

Л.Н. Толстой в наброске вступительной части к роману, вспоминал, как начинал он писать и всё откладывал написанное: «В третий раз я вернулся назад по чувству, которое может быть покажется странным большинству читателей, но которое, надеюсь, поймут: я сделал

⁵⁸ *Семевский В.И.* Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войною // Отечественная война и русское общество. Т. 5. М., 1912. С. 104–105.

⁵⁹ *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804–1877 гг.). Т. I. СПб., 1904. С. 44.

это по чувству, похожему на застенчивость <...> Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с Бонапартовской Францией, не описав наших неудач и нашего срама. Кто не испытывал того скрытого, но неприятного чувства застенчивости и недоверия при чтении патриотических сочинений о 12-м годе?!»⁶⁰ Для него было очевидно, что житейская проза и низменные побуждения вкупе с материальными расчётами и в судьбоносные эпохи часто играют далеко не последнюю роль, а примеры бескорыстного идейного служения являются скорее исключением. Так, очевидно, было и в этом случае.

⁶⁰ Толстой Л.Н. ПСС. Серия 1-я. М., 1949. Т. 13. С. 54.

**«Во мне видеть должно главнейшее лицо
в последнем покушении...»
(Г.С. Батенков в Следственном комитете)**

Подполковник Корпуса инженеров путей сообщения Г.С. Батенков провёл почти 20 лет в одиночной камере Петропавловской крепости. Столь отличная от других членов тайного общества, осуждённых по делу 14 декабря 1825 г., судьба не может не озадачить исследователя. Среди различных объяснений, предложенных учёными,¹ наибольшего внимания заслуживает то, что своей необычной судьбой Батенков обязан близостью к М.М. Сперанскому. Царское правительство стремилось сохранить в непроницаемый тайне связи Сперанского с руководителями конспирации. Поэтому оно облекло Батенкова на двадцатилетнее молчание в Секретном доме Алексеевского рavelина. Однако никто из декабристоведов не рассмотрел следственное дело Батенкова как единый архивный комплекс. Никогда показания декабриста Следственному комитету не сопоставлялись с общим ходом расследования событий 14 декабря 1825 г. Такой подход предполагает последовательное восстановление всего хода следствия. Это очень трудоёмкий процесс, но именно он даёт возможность определить роль и место показаний Батенкова в формировании Комитетом общей концепции деятельности тайного общества в России и проливает некоторый свет на последующую судьбу декабриста.

Один из самых загадочных эпизодов расследования событий 14 декабря 1825 г., которыми, как только теперь выясняется, изобиловало следствие по делу тайных обществ в России,² имел место в середине марта 1826 г. Совершенно неожиданно для следователей подполковник Г.С. Батенков, объявил себя главным организатором выступления 14 декабря, которое, как он утверждал, произошло по его плану. Почти три с половиной месяца следствия продолжалась своеобразная дуэль между двумя лидерами тайного общества К.Ф. Рылеевым и С.П. Трубецким. Каждый пытался убедить следователей в том, что не он, а его соратник являлся главным организатором выступления 14 декабря и несёт за него основную ответственность. Но в середине марта буквально вынырнула из не-

¹ Брегман А.А. Декабрист Гавриил Степанович Батеньков // Батеньков Г.С. Сочинения и письма Т. 1. Письма (1813–1856). Иркутск, 1989. С. 74–75; Юшковский Ю.Б. Батеньков в Томске. Томск, 2007. С. 299.

² См. подробно: Сафонов М.М. К.Ф. Рылеев против С.П. Трубецкого (по материалам следственного комитета) // Власть, общество и реформы в России: История, Источники, Историография. СПб., 2007. С. 54–93.

бытия фигура подполковника Г.С. Батенкова. К немалому удивлению следствия он объявил себя главным зачинщиком выступления 14 декабря и тем самым как бы вызвал «огонь на себя». До сих пор он отрицал своё участие в деятельности тайного общества, а тут не только признал, но и объявил себя фигурой номер один во всей конспирации. А поставив себя во главе заговора, он как бы приобрёл тем самым «право» говорить о его целях и планах вполне авторитетно, и заговорил...

Впервые имя Батенкова было упомянуто во время допросов К.Ф. Рылеева и С.П. Трубецкого 23 и 24 декабря 1825 г. Однако, довольно трудно определить, кто же именно «сдал» его. Лидеров заговора вначале допрашивали устно по заранее подготовленным и утверждённым Комитетом письменным вопросам. Но их устные ответы не фиксировались. Только затем последственным предоставляли письменные вопросы, подготовленные с учетом их устных ответов. На эти письменные вопросы допрашиваемые отвечали уже письменно. Но их письменные ответы не всегда совпадали с первоначальными устными, которые уже прозвучали во время допроса.³

В первых письменных ответах на вопросные пункты, помеченных 24 декабря, Рылеев сообщил не только о принадлежности Батенкова к тайному обществу, но и упомянул о той важной роли, которая ему отводилась лидерами конспирации. Рылееву был задан вопрос: «На чём основывали вы надежду, что в высших трибуналах появятся люди для поддержания цели, предложенной вашим обществом?» Отвечая на него, Рылеев постарался представить Трубецкого главным организатором выступления 14 декабря, и вложил в его уста следующую фразу: «Только бы удалось, а там явятся люди». Кондратий Федорович так обрисовал ситуацию. Тайное общество намеривалось силой принудить Сенат созвать Великий собор. Когда лидерами обсуждался этот вопрос, он заявил, что «до созвания Великого собора надобно же быть какому-нибудь правлению» и потом спросил: «Кто оно будет составлять?» Трубецкой на это ответил: «Надобно принудить Сенат назначить Временную правительственную думу и стараться, чтобы в неё попали люди уважаемые в России, как, например, Мордвинов или Сперанский, а к ним в правителя (sic. — М. С.) дел назначить подполковника Батенкова». Относительно Н.С. Мордвинова и М.М. Сперанского Рылеев выразил сомнение, чтобы они могли принадлежать к какому-либо тайному обществу. Что же касается Батенкова, то он, «кажется, принят был Николаем или Александром Бестужевым»,⁴ другими словами, согласно Рылееву, Батенков должен был быть правите-

³ Там же. С. 57.

⁴ Восстание декабристов. Т. I. М.; Л., 1925. С. 159 (далее: ВД. I. Ссылки на эту публикацию даются в тексте. Римская цифра означает номер тома, арабская — страницы).

лем дел Временного правительства, которому предстояло собрать Великий собор. Собор же понимался как учредительное собрание.

Так Батенков попал в поле зрения следствия в числе тех лиц, которые могли поддержать цели и планы тайного общества в высших государственных учреждениях, и имя его с тех пор оказался теснейшим образом связано с именем Сперанского. О таковой же роли Батенкова упомянул и Трубецкой, по-видимому, уже ознакомленный с показаниями Рылеева. Только, если Рылеев говорил о членстве Батенкова в тайном обществе предположительно, Трубецкой упоминал об этом уже без обиняков и рисовал его как деятельного члена, причастного к выработке стратегических решений.

Впервые письменно отвечая на письменные вопросы, Трубецкой изложил свой план мирного давления на власть. Он состоял в следующем: при посредстве Сената поставить императора Николая перед фактом, что полки не желают ему присягать, тогда Николай, видя невозможность «подвинуть полки на полки» и не желая «кровопролития» предпочтёт поступиться всей полнотой своей самодержавной власти и согласится на созыв депутатов из губерний. Это депутатское собрание установит конституцию. Трубецкой написал специальную записку и обсуждал этот вопрос с подполковником Батенковым.

Мнение Батенкова было таково. Если Константин приедет в Петербург, то всё кончено будет. В противном же случае, лучше будет, если гвардию выведут за город, тогда Николай останется в городе и «никакого беспорядка произойти не может». Трубецкого же «затрудняло» одно обстоятельство. Хотя он был уверен, что «междущарствие не долго продолжится», т.к. не было нужды дожидаться депутатов из дальних губерний, и можно было начать работу собрания, как только депутаты соберутся в достаточном количестве, но в этот короткий промежуток страна должна кем-то управляться. Если понадобится учредить временное правление, то «кто могут быть люди, на выбор коих можно согласиться». Но Батенков «снял это затруднение тем, что, если полки будут до окончания оставаться в лагере, то всё равно, кто бы ни был, государю императору самому нужно будет, чтобы были люди только умные» (ВД. I. 18).

Так самую идею Временного правления Трубецкой связал с именем Батенкова, хотя он сам, Трубецкой, обдумывал этот предмет, но не пришел к определённым выводам. Из состояния сомнений его вывел Батенков («снял затруднение»), и именно его можно считать автором этой идеи. Получалось, что сам Трубецкой к идее Временного правительства был почти что не причастен. Характерно, что Временное правление в изложении Трубецкого образуется с согласия царя, и личный состав его

чуть ли не согласовывается с ним. При этом Временное правление должно собрать депутатов от губерний, и оно само установит конституцию. Но это совсем не Великий собор, вовсе не Учредительное собрание.

Характерно, как Трубецкой назвал перед Комитетом имя своего соучастника Батенкова, возможно уже «сданного» следователям Рылеевым. Сергей Петрович был уверен, что этот человек, если его спросят, подтвердит эту часть его показаний. Поскольку они рисовали Трубецкого более чем умеренным либералом, т.е. в выгодном для Сергея Петровича свете, он был готов для достижения этого эффекта «сдать» следствию и Батенкова. Его устами Трубецкой рассчитывал убедить следователей в том, что его «записка», содержащая конспект так называемого «Манифеста к русскому народу» (ВД. I. 107–108), действительно предназначалась для переговоров с Николаем. И в дальнейшем Трубецкой постоянно пользовался именем Батенкова как козырем, с помощью которого можно было подтвердить умеренность политических намерений «диктатора». Дополняя свои первые показания, Трубецкой особо подчеркнул положительную роль Батенкова в выработке окончательных планов выступления тайного общества. Он являлся одним из главных оппонентов радикальных устремлений лидеров конспирации. По словам Сергея Петровича, на совещаниях у Рылеева говорилось о том, что «с одной горсткой солдат можно всё сделать, говорили о грабежах и убийствах; говорили, что можно и во дворец забраться, но на сие бывший тут Батенков возразил, что дворец должен быть священное место, что если солдат до него прикоснется, то уже ни чёрт его ни от чего не удержит». Трубецкой особо подчеркнул: «Я уверен, что сие его возражение от многого в последствии бедствия удержало» (ВД. I. 37).

Нисколько не сомневаясь, Трубецкой поместил имя Батенкова в списке членов тайного общества, находившихся в Петербурге. (ВД. I. 33). Он был членом тайного общества, но членом очень умеренным, противником всякого радикализма.

26 декабря показания Рылеева и Трубецкого были уже в Комитете и он принял решение арестовать Батенкова.⁵ На следующий день там оказались и дополнительные показания Трубецкого со сведениями о роли Батенкова (ВД. XVI. 38). 28 декабря Батенкова арестовали и отправили на гауптвахту. На следующий день в присутствии Николая, генерал-адъютанта В.В. Левашова и М.М. Сперанского состоялся первый допрос.⁶ На нём Батенков категорически отрицал и свою принадлежность к тайному обществу, и даже осведомлённость о его существовании.⁷ В своих

⁵ Восстание декабристов. Т. XVI. М., 1986. С. 33 (далее: ВД. XVI).

⁶ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. II. С. 121.

⁷ Восстание декабристов. Т. XIV. М., 1976. С. 35–36 (далее: ВД. XIV).

первых показаниях, представленных в Комитет 30 декабря (ВД. XIV. 42), Батенков, по словам следователей, обнаружил «свой образ мыслей как несовместимый с анархическими началами», и категорически заявил, что не участвовал в деятельности тайного общества, постарался объяснить, что могло дать повод для такого заключения. «Где, кем и как составлен и утверждён был план мятежа 14 декабря и чрез кого, где приведён в действо, мне вовсе было неизвестно», — категорически утверждал Батенков. — «Не знал также о сделанном мне назначении должности. И самое существо её никогда мне не было объяснено». (ВД. XIV. 42). Но Батенков делал это напрасно. Ведь Комитету было уже известно о его участии в выработке стратегических планов конспирации и о той роли, которая предназначалась ему после победы тайного общества.

На первом допросе Николай, виртуозно владевший техникой следователя, внушил Батенкову мысль, что ему ничего серьёзного не грозит, если он будет откровенен. Царь сказал ему: «Я не ишу вашего обвинения и изнурияет вас не буду; вы мне будете нужны».⁸ Похоже, Батенков проникся этим убеждением и даже обратился в Комитет с просьбой разрешить ему за столом употреблять красное вино». (ВД. XIV. 44). Этим объясняется уверенность, с которой Батенков отрицал свою причастность к событиям 14 декабря. Но от него ожидали совсем другого. Комитет, ознакомившись с его письменными показаниями, 30 декабря решил «составить для Батенкова вопросы» (ВД. XVI. 42).

В тот же день 30 декабря в Комитете был допрошен поручик Грендерского полка А.Н Сутгоф. В журнале Комитета появилась запись: «Между прочем, показал, будто Каховский сказал ему, что Батенков связывает общество со Сперанским». Было решено «обстоятельство сие привести в возможную ясность допросами главных лиц заговора» (ВД. XVI. 42). В вопросных пунктах, которые составили Сутгофу после этого устного допроса (ВД. XVI. 316), было упомянуто, что он показал «о Сперанском ...что сносилось общество через г-на Батенкова» и об этом ему сообщил П.Г. Каховский (ВД. II. 125). Однако ни Сутгоф (ВД. II. 127), ни Каховский не подтвердили этого факта в своих письменных ответах, правда, Каховский оговорился, что Рылеев убеждал его: тайное общество действует на Сперанского «через Батенкова», но Кондратий Федорович часто себе противоречил и поэтому ему верить нельзя (ВД. I. 344). Спрошенный об этом Рылеев, вопросные пункты которому были составлены 4 января (ВД. XIV. 55), ответил уклончиво: «Признаюсь, я думал, что Сперанский не откажется занять место во временном правительстве». Своё мнение он основывал на его любви к отечеству и «на словах Батенкова,

⁸ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. II. С. 121.

который... однажды сказал: «Во временное правительство надо назначать людей известных». Рылеев ему ответил, что они думают назначить в него Мордвинова и Сперанского. На это Батенков ответил: «Хорошо». «Итак, — резюмировал Рылеев, — если я что-либо говорил о Сперанском Каховскому, то не что другое, как здесь показанное. Это можно узнать, опросив его, когда я говорил; Батенков принят, кажется, за месяц Бестужевыми и знал их до меня. Потом я познакомил его с Трубецким, после чего они очень часто виделись» (ВД. XIV. 56).

2 января 1826 г. Батенкова устно допросили в Комитете (ВД. XVI. 45). После письменные вопросные пункты были составлены Александру и Николаю Бестужевым, а также Трубецкому. Первые двое отрицали факт формального приёма Батенкова в тайное общество, но дали достаточно материала, чтобы утверждать, что он принимал непосредственное участие в его деятельности, в частности, как выразился Александр Бестужев «помогал он мнениями насчет будущего устройства». При этом А.А. Бестужев показал, что после смерти императора Александра Батенков намеревался действовать именем императрицы Елизаветы и стремился узнать, как расположены к ней полки (ВД. XVI. 43). Трубецкой же ещё раз подтвердил всё, что говорил о роли Батенкова на прежних допросах, т.е., что Батенков полагал: если общество довольно сильно, чтобы воспользоваться сложившимися обстоятельствами, и если полки не станут присягать Николаю, то «можно достигнуть конституционной монархии, имев императором ныне царствующего государя». Но при Константине это будет невозможно. По словам Трубецкого Батенков твёрдо стоял на том, «что другого правления, кроме наследственного императорского, в России быть не может. И для достижения сего нужно сколь возможно сохранить порядок и не трогать никого с места, но единственно стараться о собрании депутатов из губерний. К сей цели он содействовал своими разговорами и советами» (ВД. XVI. 43).

Наконец, письменные вопросные пункты составили и самому Батенкову (ВД. XVI. 317). Ему были предъявлены показания других подследственных, свидетельствующих о том, что он не только был членом общества, но весьма активным (ВД. XIV. 44–47). В результате устного допроса было решено потребовать от него письменных объяснений (ВД. XVI. 45). 4 января Батенков вновь письменно подтвердил, что членом общества не был и о его планах не знал. Связи Сперанского с тайным обществом он назвал сущей «клеветой» (ВД. XIV. 47–54).

Батенкова спрашивали: «Кто из высшего звания был в соучастии с членами?» (ВД. XVI. 46). Батенков ответил: «Никого из высшего звания лиц не знаю в соучастии с членами» (ВД. XVI. 54). Ему был поставлен

вопрос: «Когда и кем предположено было начать действия общества, которые были, конечно, плод неоднократных рассуждений и решительных совещаний и которые должны быть вам известны, судя даже по участию, какое принимали в настоящем деле?» (ВД. XVI. 46). Батенков ответил категорически: «Когда и какие предположено было начать действия со стороны общества, я также не знал» (ВД. XVI. 54).

4 января, после дополнительного допроса Рылеева, Комитет решил спросить Батенкова, кого имел он в виду под известными людьми, которые согласились бы стать членами Временного правления (ВД. XVI. 47). 6 января письменные ответы Батенкова были внесены в Комитет. Подследственный продолжал всё отрицать. Выслушав их, члены Комитета решили дать Батенкову очные ставки с теми, кто на него показывал (ВД. XVI. 49).

14 января Батенков обратился к В.В. Левашову с просьбой беспристрастно рассмотреть его дело (ВД. XVI. 57), тогда же он написал письмо царю. Он просил скорее решить его дело и защитить от наветов и клеветы (ВД. XIV. 57–58). 17 января оно поступило в Комитет. Там приняли решение поспешить с решением дела Батенкова и «пояснить все обстоятельства до него касающиеся» (ВД. XVI. 63).

20–21 января были передопрошены все лица, дававшие показания на Батенкова. Они подтвердили свои свидетельства (ВД. XIV. 59–71). Правда, и Рылеев, и Трубецкой не могли привести свидетелей, которые подтвердили бы всё, сказанное Батенковым о Временном правительстве действительно имело место, т.к. эти разговоры велись с глаза на глаз (ВД. XIV. 64, 65). Трубецкой добавил ещё, что согласно конституции, которую предстояло установить депутатское собрание, должно было быть две палаты: верхняя и нижняя, монархическая же власть сохранялась (ВД. XIV. 63). Кроме того, из показаний Александра Бестужева выяснилась близкая связь Батенкова с А.И. Якубовичем, который «предназначался для увлечения солдат». Оказалось, что они не только часто встречались, но и «друг друга полюбили». Кроме того, Александр Бестужев показал: 27 ноября Рылеев сообщил ему: «Трубецкой думает, нельзя ли возвести на престол императрицу Елизавету, и что Батенков того же мнения, и что надобно вывести расположение солдат» (ВД. XIV. 68). Примечательно, что в конце января (запрос был сделан 28 января, а 1 февраля ответы прочитали в Комитете) Александр Бестужев представил «подробное пояснение» относительно «состава тайного общества» и «участия членов». В этом «пояснении» Бестужев недвусмысленно писал, что Трубецкой «за два дни» до выступления тайного общества, то есть 12 декабря «и во время известия о смерти (27 ноября. — М. С.) проговаривал, что нельзя ли имп.(ератрицу) Елизавету на трон возвести» (ВД. I. 443). Получалось, первоначально и

Трубецкой и Батенков думали возвести на престол женщину. Такое свидетельство находилось в противоречии с их утверждениями, что они намеревались осуществить конституционный переворот при царствующем Николае и при его согласии на это преобразование.

22 января Батенкову была дана очная ставка с Трубецким, Рылеевым и А.А. Бестужевым. «Они уличали его в том, что принадлежал к обществу, знал о его цели и подавал советы к исполнению оной» (ВД. XIV. 71–77), но Батенков «в том не сознался». Об этом была сделана запись в журнале Комитета (ВД. XVI. 70).

21 января В.И. Штенгейлю отправили вопросные пункты и на следующий день он письменно показал, что «Батенков был известен о существовании и намерении общества; а по нем или чрез него, вероятно, ведал и г. Сперанский». При этом Штенгейль сообщил, что Николай Бестужев «короток очень в доме г. Сперанского и совершенный приятель г. Батенкову» (ВД. XIV. 70). Однако свидетельства Штенгейля о связи Батенкова со Сперанским следствие не заинтересовали. Дело в том, что уже в самом конце декабря следователи приняли решение не расследовать вопрос о возможном участии высших трибуналов, то есть Сената, Синода и Государственного совета в акциях тайного общества⁹ и поэтому показания Штенгейля «опоздали».

25 января Батенков обратился к генерал-адъютанту В.В. Левашову с письмом, в котором попытался оправдаться в своём заперительстве. При этом он утверждал: «На душе моей не лежит никакой тайны, открытие которой имело бы какую-либо важность» (ВД. XIV. 78).

28 января Комитет выслушал дополнительные ответы Николая Бестужева относительно участия в деятельности общества Батенкова. Бестужев категорически отрицал какую-либо причастность Сперанского к деятельности тайного общества¹⁰ (ВД. XIV. 80). Было решено допросить Батенкова еще раз, «и если не сознается, уличить вторичною очной ставкой» (ВД. XVI. 76). 30 января Батенков столь же безуспешно попытался оправдаться в письме к Николаю (ВД. XIV. 78–79).

1 февраля Батенков изложил свои новые показания. В них он ещё раз повторил, что не был формальным членом тайного общества. Однако с той существенной оговоркой, что, «если желание перемен, готовность им содействовать, выраженная членам общества, составляют принадлежность и к самому обществу, то он готов в этом признаться». (ВД. XIV. 81–88). Батенков подчеркнул, что действительно вёл те разговоры, о которых дали показания Трубецкой, Рылеев, Александр и Николай Бестужевы, но

⁹ См. подробно: Сафонов М.М. С.П. Трубецкой против К.Ф. Рылеева (в печати).

¹⁰ Восстание декабристов. Т. II. М.; Л., 1926. С. 75–78 (далее: ВД. II).

был уверен: общество не в состоянии достичь своей цели и никогда к ней не приступит. При этом Батенков сообщил одну немаловажную деталь: в беседах с Трубецким он «объявлял свою мысль», что «обеспечение предстательного правления на твердой земле ...разрешается...возведением на престол особ женского пола, и что мы, имея двух императриц и многих великих княгинь, можем с сей стороны быть покойны». (ВД. XIV. 83). Если учесть, что и Трубецкой, согласно показаниям Александра Бестужева думал 27 ноября, «нельзя ли возвести на престол императрицу Елизавету» (ВД. XIV. 68), то это признание должно быть принято во внимание. Им Батенков фактически подтвердил: оба умеренных лидера связывали свои конституционные планы с женским правлением.

Батенков просил Комитет как «единой милости оставить при имени» его «торжественное и клятвенное отрицание от искреннего участия в сем бессмысленном и постыдным деле, коим другие, может быть, думают заслужить историческую известность» (ВД. XIV. 88).

3 февраля показания Батенкова прочитали в Комитете. Члены так охарактеризовали эти показания: «Утверждает, что изъяснял только свои мысли и чувства без намерения и в твёрдой уверенности, что общество, коего существование знал, цели своей достичь не в состоянии и даже решительно к тому не приступит». Было решено «приобщить к делу для внесения в выписку» (ВД. XVI. 85). Это означало, что с допросами Батенкова покончено, но Батенков по-прежнему продолжал настаивать на своей невинности. 9 февраля он отправил в Комитет новое показание. В нём он попытался устранить противоречия в своих прежних показаниях (ВД. XIV. 88–89). На показании есть отметка: «Читано 9 февраля», однако в журналах Комитета об этом сведений нет. Видимо, их даже не читали всем членам Комитета. Лишь месяц спустя, 8 марта, Комитет запросил Батенкова, действительно ли он на заключительном совещании заговорщиков 13 декабря предлагал «приударить в барабан», чтобы собрать больше народа? (об этом показал С.П. Трубецкой 15 февраля) (ВД. I. 66), но Батенков утверждал, что на таком совещании он не присутствовал (ВД. XIV. 89). Его оставили в покое.

Однако 16 марта произошло нечто чрезвычайное: Батенкова как прорвало. Он совершенно неожиданно «сознался». «До сего времени не признавал я себя членом тайного общества, потому что никем в оное принят не был. Но ежели желание перемены образа правления в России и готовность содействовать сей цели, изъявленное каким бы то ни было образом несколькими членами сего общества, составляет уже принадлежность к оному, то в таковой принадлежности долгом считаю чисто-сердечно признаться, равно как и в том, что я неоднократно с прочими

членами имел по сему предмету разговоры и суждения, хотя без действительного с моей стороны намерения и уверенности привести оные в исполнение» (ВД. XIV. 89). На показании есть пометка: «Читано 16 марта». Но опять же в журналах Комитета нет никаких сведений о том, чтобы этот документ вносился туда. В тот же день Батенков написал записку В.В. Левашову. В ней Батенков сообщил, что находится в «совершенном помешательстве», что может подтвердить врач. «Признание сегодня послал, — писал Батенков, — наверно, уже поздно» (ВД. XIV. 90).

Признание Батенкова может быть правильно понято и оценено только в общем контексте хода следственного процесса. 15–17 марта явились переломным моментом в ходе расследования выступления тайного общества.

В конце декабря С.П. Трубецкой начал сотрудничество со следствием. Суть этого своеобразного сотрудничества заключалась в том, что Трубецкой представлял события 14 декабря только как акцию тайного общества, опирающегося лишь на собственные силы, противодействие же Николаю со стороны гвардейских и вельможно-бюрократических верхов игнорировалось полностью. Следователи со своей стороны принимали на веру трактовку Трубецкого и в соответствии с ней разрабатывали следственный материал, отсекая всё, что выходило за пределы деятельности собственно тайного общества. Естественно, и личная роль Трубецкого представлялась как крайне умеренная, что позволило бы ему избежать смертной казни. Поэтому, когда в конце декабря члены Комитета получили сведения о том, что в присутствии Трубецкого обсуждался вопрос об убийстве Николая, следователи так повели дело, что этот сюжет был изъят из расследования, а диктатор к вопросу о цареубийстве оказался непричастным.¹¹ Соответственно решался вопрос и об организаторе выступления 14 декабря. В 20-х числах января следователи пришли к убеждению, что основным виновником мятежа являлся Рылеев, бывший главной пружиной военного выступления. Однако карты следствию спутал В.И. Штенгейль. 9 февраля он показал, что накануне выступления тайного общества «против особы государя восставал князь Оболенский; Бестужевы, Каховский и, наконец, сам Трубецкой требовали как необходимости, чтобы принести его на жертву, но сей последний полагал, что надобно оставить Александра Николаевича, чтобы объявить его императором» (ВД. XIV. 160). Следователи резюмировали, «что в совещаниях у Рылеева пред происшествием 14 декабря князь Трубецкой и князь Оболенский решительно требовали смерти государя императора» (ВД. XVI. 97).

¹¹ См. подробно: *Сафонов М.М. К.Ф. Рылеев против С.П. Трубецкого* (по материалам следственного комитета). С. 58–60, 67.

Было принято решение «передопросить по сему князя Трубецкого и Оболенского и для узнания истины, в случае отрицания, спросить о сем Рылеева, Пущина и Бестужевых» (ВД. XVI. 97). Совершенно неожиданно для следствия Трубецкой вновь оказался причастным к царевубийственным замыслам. Но такая трактовка следователей не устраивала.

15 февраля Трубецкого передопросили. После устного допроса были составлены письменные вопросы (ВД. I. 55–56). Трубецкой отвечал на них письменно же (ВД. I. 57–74). В этих показаниях самих объёмистых за весь период следствия, Трубецкой был вынужден признать, что присутствовал при обсуждении вопроса о царевубийстве и даже сам требовал принести Николая на жертву, но это было в состоянии аффекта (ВД. I. 63). Подлинные же планы диктатора, тщательно выношенные и хладнокровно обдуманые, были совсем иные. Трубецкой в этих ответах представил в развёрнутом виде свой тезис о том, что он играл пассивную роль при подготовке выступления. Ещё раз с новыми подробностями Трубецкой изложил свой план действий на 14 декабря. Он объявил своими все самые умеренные элементы этого плана военной демонстрации, заимствованные у Батенкова. Батенков же, по словам диктатора, при принятии окончательного решения выступал с более радикальных позиций: предлагал произвести как можно больше шума: «в барабан приударить, потому что это соберёт народ», и, кажется, предлагал занять Петропавловскую крепость. Но Трубецкой был против.

Письменные ответы Трубецкого были прочитаны в Комитете 19 февраля. Характерна реакция следователей. В журнале этого заседания записано: «Взять в соображение и обстоятельства, раскрывающие неизвестные ещё мнения и действия некоторых соучастников сего происшествия, привести в надлежащую ясность» (ВД. XIV. 108), т.е. Комитет нашёл нужным прояснить действия коллег Трубецкого по конспирации, но не его самого.

Обычно, когда в Комитете появлялись такого рода сведения, назначалась очная ставка, и этот в глазах членов Комитета важнейший вопрос прояснялся в первую очередь. Однако в случае с Трубецким Комитет этого важного факта даже не занёс в журнал. Ничего не упомянуто в журнале и о намерении Трубецкого возвести на престол малолетнего великого князя Александра Николаевича, и это тоже не случайно, хотя основания для дальнейшего расследования этого сюжета были нешуточные.

16 марта в Комитете читали показания И.И. Пущина, М.А. Бестужева, А.А. Бестужева, допрошенных в течение двух предыдущих дней относительно свидетельств Штенгейля. Однако все трое допрашиваемых отрицали, что на совещаниях, предшествующих 14 декабря, было

решено истребить императорскую фамилию и покуситься на жизнь Николая (ВД. XVI. 130, 131), но каждый делал это по-разному. Показания Михаила Бестужева рисовали Трубецкого как противника «решительных» мер Рылеева. Такие же выводы можно было сделать и из показаний И.И. Пущина (ВД. II. 217). Александр Бестужев относительно царубийственных замыслов Трубецкого косвенно подтвердил, что они были связаны с малолетним великим князем Александром Николаевичем. «Трубецкой поддавал мнение, — писал Бестужев, — чтобы возвести Елизавету, потом говорил и о Александре Николаевиче, но когда и в одно ли время — не упомяну». Кажется, говорил и о том, чтобы принести на жертву императора, но что касается до истребления императорской фамилии, то об этом при А.А. Бестужеве речи не было (ВД. I. 450). «Что же принадлежит до мнения об истреблении особы Государя императора и августейшей семьи, о такой материи и не было рассуждаемо, как о намеренном деле». Однако вопрос этот всё же затрагивался. «Сколько помню и кн(язь) Трубецкой говорил о том между разговором, и если это у кого-нибудь вырвалось, то не более как безнамеренная бравада».

Итак, Александр Бестужев подтвердил: Трубецкой упоминал об истреблении Николая и думал о женском или детском правлении с регентом или же о том и другом вместе.

Вначале, 16 марта члены Комитета приняли решение уличить Пущина, Михаила и Александра Бестужевых очными ставками.¹² Но эта идея тоже вскоре была оставлена. Члены Следственного комитета не стали исследовать вопрос о планах общества совершить дворцовый переворот в пользу императрицы или малолетнего великого князя и, пользуясь его малолетством произвести конституционный переворот. Следователи решили свести все лишь к плану царубийства. При этом они постарались представить диктатора непричастным к таковому замыслу.

После того как «невиновность» Трубецкого в вопросе о царубийстве была почти доказана, следователи стали заниматься другими фигурантами этого дела.

В потенциальные царубийцы были первоначально намечены А.И. Якубович и П.Г. Каховский. 15 марта в Комитете допрашивали Якубовича. Журнал заседания 15 марта сообщает, что в этот день Якубовича допрашивали лишь о предмете, не относящемся непосредственно к показаниям Штенгейля.

В журнале 17 марта появилась запись: Якубович «неопределённо и неясно отвечает на данные вопросы». Первоначально члены Комите-

¹² На вопросных пунктах Пущина рукой В.Ф. Адлерберга была сделана помета «Составить допросные пункты по всем статьям, в которых не сознается, поместя и сие для допроса в общем присутствии» (ВД. XVI. 351).

та хотели заставить Якубовича рассказать гораздо более, чем он показал, и записали в журнале: «Обратить к нему с приказанием отвечать с большой откровенностью и прямо не уклоняясь от вопросов» (ВД. XVI. 132). Однако «потенциального царевубийцу», «разрабатывать» не стали и решили оставить в покое. На полях журнала 17 декабря появилась надпись В.Ф. Адлерберга: «По положению, сделанному в другом заседании, не обращаться, а принять к сведению (ВД. XVI. 132). Члены Комитета передумали. Главным «режисидом» стал Каховский.

Близость Якубовича к военному генерал-губернатору М.А. Милорадовичу, связь с которым подследственный не только не скрывал, но в начале следствия пробовал даже афишировать, делало неудобным признать его главным «режисидом». Поэтому для следователей было предпочтительней отвести такую роль кому-то другому. Именно П.Г. Каховский, который «более всех прочих оказывал зверства», лучше других в силу особенностей своего характера подходил для роли главного царевубийцы и готов был взять на себя всю тяжесть ответственности.

15 марта Каховский был допрошен. Он показал: тайное общество намеревалось захватить дворец и подвергнуть насилию августейшее семейство. Каховский сообщил ещё одну важнейшую подробность заключительного совещания 13 декабря, на котором Рылеев отдавал свои распоряжения на завтрашний день. Руководитель выступления предложил ему завтра утром убить императора Николая (ВД. I. 347).

Поскольку подозрение в царевубийственных замыслах падало и на Е.П. Оболенского, он тоже согласно решению Комитета 12 февраля должен был быть передопрошен. 14 марта ему были предъявлены показания Штейнгейля. (ВД. I. 243–244). Оболенский категорически отверг утверждение о том, что он «в особенности восстал против государя» и предлагал истребить императорскую фамилию. Но никаких доказательств в опровержение этого обвинения Оболенский представить не мог (ВД. I. 246). Мнения Трубецкого о принесении государя в жертву Оболенский не слышал. «Утвердительно говорю, что он при мне не излагал оногo», — категорически заявил Оболенский. Если кто-либо говорил против особы государя, это было плодом воображения, а не рассудка. Однако Оболенский был вынужден признать, что вопрос об убийстве Николая обсуждался Рылеевым и Каховским в отсутствие Трубецкого (ВД. I. 248). Показательна запись в журнале Комитета 16 марта относительно ответов Оболенского: «Объявляет совершенно то же, что и Каховский, касательно возложенного на сего последнего Рылеевым совершения царевубийства» (ВД. XVI. 130).

Комитет не пошёл путём очной ставки Штенгейля и Оболенского, которая могла бы прояснить, что за предложения исходили от него само-

го, а что предлагал Трубецкой. Следователи сочли вполне достаточным, что Оболенский косвенно подтвердил: Рылеев поручал Каховскому убить царя. О том же, что и Трубецкой требовал того же «как необходимости», предпочитали не расспрашивать. Очевидно, идейным вдохновителем царевубийственных замыслов был уже определён Рылеев.

На следующий день, 17 марта, Каховскому дали дополнительные письменные вопросы. Комитет желал знать, с кем, где и когда Каховский обсуждал вопрос об истреблении императорской фамилии. Не выдвигал ли он сам предложений такого рода, и какова была реакция окружающих. Каховский взял Трубецкого под защиту. Диктатор никак не был причастен к плану царевубийства. Каховский не стал называть никого конкретно, но заметил, что это мнение разделялось всеми, и каждый может сам признаться (ВД. I. 348). 18 марта показание Каховского было оглашено в Комитете (ВД. XVI. 134), и оно сделало ненужным очные ставки Пущина и братьев Бестужевых. Всё стало как бы предельно ясно: главный «режисид» Каховский, идейный вдохновитель царевубийства — Рылеев.¹³

Едва ли случайно, признание Батенкова появилось тогда, когда А.А. Бестужев своими показаниями, прочитанными в Комитете 16 марта, подтвердил: Трубецкой намеревался принести в жертву Николая, говорил о возведении на престол Елизаветы и великого князя Александра Николаевича, допускал возможность убийства царя и его семьи (ВД. I. 450).

Впоследствии, уже после освобождения, Батенков писал в письме к неизвестному о том, что в Комитете ему «ничего было показывать». «Он подробно и больше написал, нежели было». Его «признали невиновным и велено было освободить». Но «лукавый дернул сидевшего возле меня А. Бестужева, — вспоминал Батенков, — с которым мы в продолжении времени и разговаривали через каменную стену, упомянуть меня как-то. Вот и не решились отпустить».¹⁴ Конечно, об освобождении Батенкова в марте, речи не шло. Он, несомненно, стучал краски. Однако указание на то, что именно показания Александра Бестужева, явились переломными в судьбе Батенкова, весьма показательны. Немаловажно и признание Батенкова: с Бестужевым они держали друг друга в курсе хода следствия. Отчасти этим можно объяснить дальнейшие шаги, предпринятые Батенковым.¹⁵

¹³ См. подробно: Сафонов М.М. К.Ф. Рылеев против С.П. Трубецкого (по материалам следственного комитета) С. 75–80.

¹⁴ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. II. С. 121.

¹⁵ Поразительно, что заключённые в одиночных камерах члены тайного общества располагали точными сведениями о ходе расследования, а в некоторых случаях даже имели контакты с внешним миром. В этом смысле весьма показательна история с письмом В.И. Штенгейля, переданным А.И. Ростовцевой, сестре известного Я.И. Ростовцева. 14 марта вдовствующая императрица Мария Фёдоровна записала в своём дневнике рассказ Николая о визите Якова Ростовцева во дворец 12 декабря 1825 г. Тут же она пометила:

18 марта, т.е. тогда, когда в Комитете уже были готовы распределить роли между «душегубами», а диктатору выдать аттестат невинности, Батенков представил следователям документ, в котором всю ответственность за произошедшее 14 декабря взял на себя. «Странный и ничем неизъяснимый припадок, продолжавшийся во время производства дела, — писал Батенков, — унизил моральный мой характер и лишил меня плодов дел моих». Но душевные силы вернулись. Поэтому Батенков решил представить показание, которое «определит истинное участие» его в рассматриваемом деле. Оно должно показать, что Батенков «в существе не был тот», каким являл его «припадок». «Стыжусь всего, что по сие время ни делал». Батенков попросил уничтожить все его прежние показания и сделал важнейшее признание: «Во мне видеть должно главнейшее лицо в последнем покушении, виновника политического, более опасного, нежели достойного посмеяния. Постыдным образом отрицался я от лучшего дела в моей жизни. Я не только был член тайного общества, но член самый деятельный. Предприятие, план его, цель покушения — всё мне принадлежит или во всё я принимал великое участие» (ВД. XIV. 90). Тайное общество носило политический характер. Оно состояло из людей, которыми Рос-

«Теперь только что обнаружили, что одним из заключённых при содействии одного инвалида отправлено в город письмо; впрочем, письмо не имело иной цели, кроме желания заключённого получить известия от приехавшей из Москвы жены» (Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 101). Речь шла о В.И. Штенгейле, который посылал обслуживавшего подследственных инвалида А.О. Рыбаконенко, с записками в дома Кусовых и Ростовцевых. Когда это дело оказалось раскрытым, Рыбаконенко был наказан шпицрутенами, а Штенгейль давал письменные объяснения плац-майору крепости Е.М. Подушкину. Из этих объяснений явствует, что Штенгейль послал инвалида в дом Ростовцевых, якобы узнать «не слышно ли чего о решении нашей участи». С барыней инвалиду встретиться не удалось, но её брат Я.И. Ростовцев просил передать Штенгейлю, что «государь милосерд, и потому, может быть, помилует всех их несчастных и что, впрочем, он будет говорить с ...великим князем (Михаилом Павловичем. — М. С.) и потому просит зайти наведаться» (В.И. Штенгейль — Е.М. Подушкину 25 марта 1826 г. // *Штенгейль В.И.* Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 232—233). Как видим, речь шла вовсе не о том, чтобы получить известия от приехавшей из Москвы жены. Хотя Штенгейль заверял: «Вот вся история без малейшей утайки», очевидно, он многое утаил. Обращает на себя внимание, что, судя по дневнику Марии Фёдоровны, Штенгейль отправил своё письмо именно в тот момент, когда в Комитете начались допросы относительно его показания о требовании принести в жертву Николая. Такое совпадение дат едва ли случайно. Немаловажно и соседство двух сюжетов о Ростовцеве, предупредившем Николая о грозившей ему опасности, и письме Штенгейля самому Ростовцеву. Это наводит на мысль, что между двумя этими сюжетами тоже есть определённая связь. Впрочем, и сам Штенгейль в мемуарной «Записке о восстании» прямо писал о том, узнав о намерении Каховского убить Николая, Ростовцев, облагодетельствованный великим князем, решил предупредить его высокочество о грозившей ему опасности (В. И. Записка о восстании // *Штенгейль В.И.* Сочинения и письма. Т. 1. С. 151—152). По всей видимости, Штенгейлю было необходимо сообщить Ростовцеву что-то важное в тот момент, когда вопрос о царевубийстве вновь был поднят в Комитете. Во всяком случае, обмен информацией налицо.

сия всегда будет гордиться. Поэтому Батенков настаивал на том, что он «имеет полное право» разделить с членами тайного общества «всё, — не выключая ничего». Цель выступления тайного общества — если «не оспаривать», то, по крайней мере, «привести в бореение права народа и права самодержавия». Даже в том случае, если бы не удалось достичь успеха, такое выступление оставило бы «историческое воспоминание». Особо Батенков подчеркнул, что «никто из членов не имел своекорыстных видов». Выступление 14 декабря было не мятежом, но опытом политической революции. К своему стыду Батенков именовал его мятежом, но в действительности это «опыт почтенный», не только в истории России, но и в глазах других просвещённых народов. Чем меньше было число участников этого выступления, тем оно славнее. Хотя голос свободы звучал всего несколько часов, но важнее всего то, что он прозвучал. Батенков сознался, что хотел начать выступление ещё 27 ноября, но для этого не было возможности. Цель выступления заключалась в следующем: воспользовавшись тем, что в результате междуцарствия Россия оказалась свободна от присяги самодержавию в лице царствующих особ, «приостановить действие самодержавия, наименовать временное правительство, которое учредило бы в губерниях избирательные палаты для собрания депутатов, обратило бы в одну палату нынешние Синод и Совет и совокупно с ними определило бы присягу императору. Это был мой план, и никто его оспорить не может». Батенков требовал, чтобы ему была оказана справедливость и возвращено то место в этом деле, которое ему «принадлежит неоспоримо», и которое он потерял «единственно от болезни» (ВД. XIV. 91).

В высшей степени удивительное заявление в устах человека, который почти три месяца делал всё, чтобы убедить следователей в том, что он не только не принадлежал к тайному обществу, но даже не был осведомлён о его намерениях и планах! Если же учесть тот контекст, когда было сделано это заявление, то становится ясно: Батенков решил взять всю ответственность на себя, когда Трубецкой оказался на волоске. Когда перед диктатором ясно обозначилась перспектива быть обвинённым в том, что он требовал совершения царубийства, Батенков неожиданно выдвинул себя на первое место. Он не только заявил, что был во главе всего предприятия, но особо подчеркнул: оно носило исключительно благородный характер, было лишено «своекорыстных видов» и представляло собой политическую революцию, имевшую цель введение конституционной монархии. Примечательно, что в этих планах для царубийств места не было. Это следует подчеркнуть особо.

В тот же день, 18 марта, Батенков дополнил свое показания относительно способов, с помощью которых он надеялся достичь цели. «Отно-

сительно средств предприятие основано было на моей мысли; а именно, чтоб, подняв войска именем государя цесаревича, идти от полка к полку, собирать более народа, не делать и малейших беспорядков, — сие я считал тем более возможным, что солдаты должны надеяться в случае неуспеха — амнистии; а в случае превозможения с их стороны — награды от его высочества. Между тем предположено было начать внушение о том, чего могут они ожидать в личную пользу; а ежели счастье будет благоприятствовать до того, что удержимся на целую ночь, то дать первоначальные понятия и о цели покушения. Вот моё участие в делах общества» (ВД. XIV. 91). Объявив себя главным, он как бы давал понять следствию: кто, как не главный досконально знает планы всего общества.

Как видим, Гавриил Степанович изложил план, который в материалах следствия ранее фигурировал как план Трубецкого, выработанный совместно с Батенковым. Но авторство этого плана Батенков теперь настойчиво предписывал себе лично. Однако декабрист старался напрасно — его самоотверженность оказалась Комитету ненужной. У следователей заявление Батенкова вызвало недоумение. 18 марта в журнале Комитета было записано: «Показание подполковника Батенкова: прося уничтожить прежние его ответы, объявляет, что был виновник и главное лицо всех намерений и покушений 14 декабря; гордиться сим, ибо почитает покушение сие благороднейшим делом. Положили: просьбу оставить без внимания и допросить вновь в присутствии» (ВД. XVI. 85). Батенкова допросили в тот же вечер. Видимо, допрос длился долго. Он окончился в половине первого ночи. Журнал так передаёт итог этого допроса: «Ничего нового не открыл против первых его показаний и потому заключить должно, что он или хотел продолжать упорное заперательство, или из непостижимых видов принимает на себя звание главного начинщика возмущения 14 декабря, не быв таковым». Комитет решил: «Дать ему новые пространные допросные пункты» (ВД. XVI. 134). Однако ни пространных, ни коротких вопросных пунктов Батенкову представлено не было. Во всяком случае, в его деле таковых нет (ВД. XVI. 352). Видимо, в Комитете постигли, в чем состояли «непостижимые виды» Батенкова, но делали вид, что этого не понимают. Его «откровения» следователям были не нужны.

В тот же день 18 марта Батенков написал письмо Николаю с просьбой пересмотреть его дело, не вменяя «безумие в преступление» (ВД. XIV. 91–93).

Царь вызвал Батенкова во дворец. Из встречи с императором Батенков вынес впечатление, что Николай смотрит на него как на посредника между обществом и Сперанским (ВД. XIV. 111). Перед Батенковым вста-

ла задача рассеять это впечатление. В письме к неизвестному, написанному уже после освобождения, Батенков сообщил: «Большого Левашов привёз меня опять к государю, который приказал сказать мне уже такие вещи, которых и он не знает, как единственное средство пощады».¹⁶

Батенкову предстояло теперь сообщить следствию нечто необычное и при этом во что бы то ни стало выгородить того, на кого падало царское подозрение, пусть даже ценой самоговора.

Батенков опередил Комитет, представив к следующему заседанию 20 марта новые показания, открывавшие «преступную тайну». Если за два дня до этого он заявлял: никто в тайном обществе не преследовал своекорыстных целей, то теперь Батенков попытался убедить Комитет в том, что он-то сам руководствовался в этом деле не чем иным, как личными интересами. Это и была «преступная тайна», которую он не желал сокрыть в своей могиле. Поэтому, дабы развеять противоречия и неясности в своем поведении, Батенков решил открыть истинные свои отношения к тайному обществу. Они заключались в том, что, вступив в общество, Батенков разделял с его лидерами пламенное чувство любви к родине, однако к этому чувству примешивалось его «собственное честолюбие». Он мечтал о славе «истинного утвердителя в России представительного правления».

«Когда я узнал чрез Рылеева, — признавался Батенков, — что общество имеет достаточно силы, дабы решиться на покушение 14 декабря, и что не почитает возможным достигнуть своей цели, не принеся в жертву особу ныне царствующего императора, дабы пользуясь малолетством наследника, не встретить препятствия ко введению конституционного правления, и что избирает меня в число членов временного правительства, я сколько по уверенности в том, что сия перемена полезна государству, столько и для предстоящей мне лично славы, принял участие в сем покушении, тем более, что оно представляло вид законности».

Членами временного правительства предполагали назначить Н.С. Мордвинова и М.М. Сперанского, но Батенков опасался, что при Сперанском сам он не сможет играть ту выдающуюся роль, к которой стремился. Поэтому он скрывал от Сперанского свои связи с тайным обществом и намеревался устроить так, чтобы вместо Сперанского в правительство была бы назначена «одна духовная особа» (как потом выяснилось, архиепископа Филарета). Мордвинова же должен был в скором времени заменить Трубецкой, ибо адмирала рассчитывали назначить лишь для вида, учитывая значимость его имени. «Таким образом, — продолжал свои “признания” Батенков, — я имел надежду воспользоваться предприятием тайного общества, утвердить связи с первыми людьми учреж-

¹⁶ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. II. С. 121.

дением родовой аристократии и, продолжив существование временно-го правительства в виде регентства, управлять государством именем его высочества Александра Николаевича, занять в истории место истинного утвердителя в России представительного правления и прославиться приведением в действо многих полезных предположений. По краткости времени план сей не мог быть подробно мною обдуман, и вообще я предполагал действовать сообразно с обстоятельствами» (ВД. XIV. 92). Одним словом, честолюбец, да и только.

В «откровениях» Батенкова интересно, прежде всего, то, что он признаёт: общество действительно пришло к заключению, что единственным средством достижения своей цели было убийство Николая. Идея эта исходила от Рылеева. Цель же предприятия состояла в том, чтобы возвести на престол семилетнего его сына Александра и, воспользовавшись его юным возрастом, ввести конституционное правление. Этим «признанием» Батенков косвенно подтверждал справедливость показаний Штенгейля, но в отличие от него переносил всю тяжесть ответственности с Трубецкого на Рылеева, поставив его во главе царевубийственного предприятия. Конечно же, «признаваясь» в том, что именами Сперанского и Мордвинова Батенков хотел воспользоваться лишь для того, чтобы сосредоточить власть в своих собственных руках, он в действительности стремился отвести подозрения от этих сановников в соучастии. Это было более чем очевидно.

Примечательно, что всего два дня спустя после первого «признания» Батенковым себя главным организатором и автором бескровного плана выступления, подследственный уже был прекрасно осведомлён о том, что Комитет к тому времени уже наметил и конкретного царевубийцу и основного вдохновителя кровавого предприятия. Видимо, это результат переговоров «через каменную стену» или каких-либо иных нам неизвестных контактов.

Однако крайне любопытно, что, приоткрывая планы тайного общества провозгласить императором великого князя Александра (а ведь следствие уже располагало данными, что таковы были намерения Трубецкого, хотя и Оболенский и Рылеев, это всячески отрицали), Батенков совсем не заинтересовал Комитет своими открытиями. Во всяком случае, следователи не считали нужным выяснять вопрос о намерении Трубецкого произвести дворцовый переворот, воспользовавшись для этого царевубийством. Совершенно не интересовались они, действительно ли Трубецкой вначале хотел возвести на престол Елизавету, а потом «перераспределиться» на малолетнего великого князя, или Елизавета должна была править при малолетнем императоре.

Это не должно удивлять. У них были для этого веские резоны. Недаром в журнале было зафиксировано, что идея принести в жертву Николая исходила от Рылеева, как то и показывал Батенков (ВД. XIV. 92), хотя в действительности этого требовал Трубецкой.

20 марта Комитет рассмотрел написанное Батенковым. В журнале упоминается два показания. Первое — то, которое Батенков написал 18 марта вместе с дополнением к нему (ВД. XIV. 90–91). Второе же содержало подтверждение о том, что Батенков никогда не смел говорить со Сперанским о тайном обществе. Этого показания в деле нет, но, несомненно, оно было написано в результате встречи с царем (ВД. XVI. 352). Комитет положил: «Взять в соображение» (ВД. XVI. 134).

22 марта в Комитете было прочитано новое показание Батенкова — полная его «биография и отчет в самых сокровенных мыслях» (ВД. XIV. 93–100). По словам Комитета, это было показание «пространное и преисполненное противоречий, в коем видно только одно откровенное признание, что честолюбие и личные виды были побудительными причинами его участия в тайном обществе» (ВД. XVI. 139), т.е. то, что честолюбие являлось главным побудительным мотивом всех действий Батенкова, Комитет признал истинным. Естественно, следователи увидели, что хотели увидеть. Между тем в этом показании были обрисованы планы Трубецкого и совсем не те, что сам Сергей Петрович представлял в Комитете. При этом надо иметь в виду, что ситуация уже изменилась, обвинение Трубецкого в призывах к цареубийству как бы растворилась среди других допросов, главным обвиняемым в цареубийственных замыслах стал Рылеев, а потенциальным исполнителем Каховский. Очевидно, это важное обстоятельство заставило Батенкова по-иному расставить акценты в своих новых показаниях. Теперь Батенков должен был думать о том, как представить свою собственную роль в наиболее безобидном виде. Трубецкой был уже «спасён». Вскоре ему позволили свидание с сестрой, а после и с женой. Батенков же пытался «спасти» себя за счет уже «спасённого» Трубецкого. Во всяком случае, он старался представить свою роль более «невинной» и менее радикальной, нежели диктатора.

Батенков, составляя своё показание, вновь вернулся к прежней тактике представлять своё участие в деятельности тайного общества почти случайным. Он утверждал, что в предварительных беседах с членами тайного общества высказывал свою задушевную мысль: «перевороты снизу, от народа, опасны и лучше средство придумать так, чтоб овладеть самыми слабым пунктом в деспотическом правлении, то есть верховной властью, употребив интригу или силу» (ВД. XIV. 96). При этом Батенков вынашивал идею создать контр-тайное общество, которое бы занима-

лось тем, что в интересах правительства нейтрализовало бы деятельность конспиративных антиправительственных организаций. Он якобы даже думал о том, чтобы общество Рылеева преобразовать в такого рода орган. В случае же неудачи открыть правительству существующее в Петербурге тайное общество и указать на Трубецкого. Однако события междуцарствия придали делам совсем иной оборот. Хотя оно представило редчайший в истории случай добиться цели тайного общества законным путем, но силы конспирации оказались слишком слабыми для этого. Поэтому Батенков убеждал Трубецкого оставить все замыслы на 10 лет, а потом произвести перемену не мятежом, а простым требованием. Но Трубецкой сообщил, что есть несколько войск, с которыми можно «покуситься на предприятие перемены» и предложил Батенкову свой план немедленных действий. Другими словами инициатива исходила от Трубецкого. Он говорил, что на юге хотят учредить республику, но она «устоять не может». «Мы согласились в том желании, чтоб, приостановив действие самодержавия наименовать временное правительство, которое бы распорядило в губерниях избирательные камеры и собрало депутатов, как прежде согласился я с Рылеевым, от дворянства, купечества, духовенства и поселян, потом совокупно с ними преобразовало бы верхнюю палату и принесло присягу ныне царствующему государю». Батенков хотел, чтобы члены верхней палаты были бы наследственными. Трубецкой же настаивал на пожизненном избрании. Батенкову пришлось уступить.

Важнейшая черта построений Батенкова состоит в следующем: власть передается Временному правительству, оно созывает депутатское собрание и вместе с ним образует верхнюю палату и приносит присягу Николаю. Ни о каком Великом соборе, с функциями учредительного собрания, речь не идет, как и возможности введения республики.

Видимо, настроения в Комитете уже несколько изменились. Это явствует из писем Трубецкого к жене. Смертельная опасность миновала, и Батенков поспешил, если не реабилитировать себя, то значительно поправить своё положение, которое он, спасая Трубецкого, чуть было значительно не ухудшил. Показательно, что теперь Батенков старается всячески подчеркнуть свою лояльность к Николаю и поэтому даёт понять, что он планировал передать власть после конституционных преобразований самому Николаю. План же передачи власти малолетнему Александру Батенков связывает с именем Трубецкого. При этом идея Трубецкого представлена в виде догадки.

«Я не рассматривал вопроса, что делать тогда, когда государь не примет и не даст принуждённой присяги, но догадывался, что Трубецкой считает возможным данную присягу цесаревичу принять за

отречение и переменить образ правления, провозгласив государем наследника и пользуясь его малолетством.

Кто должен был принять присягу Николая Константиновича за его отречение, Батенков не говорит. Очевидно, высшие трибуналы: Государственный совет, Сенат, Синод, но, делая такое построение, Батенков отводит следствие от естественно возникающего вопроса, если Николай не согласится принять условия заговорщиков, его следует принести в жертву?

План строился на верности войск присяге Константиновича. Такой план давал возможность избежать беспорядков, в случае же неудачи избежать наказания.

«Мне хотелось ещё отвратить всякую опасность от дворца и от всего города». Для этого Батенков предполагал вывести войска за город. Это давало бы возможность получать подкрепления или успешно ретироваться. Этот план сообщён был Трубецкому около 8 декабря «в виде простого и нерешительного разговора о возможности перемены». В глубине души Батенков не верил, что что-нибудь могло быть предпринято. Но когда ему Рылеев намекнул, что он может быть членом Временного правления, то Батенков предался честолюбивым мечтаниям, стал обдумывать, как бы избавиться от Сперанского, чтобы самому играть важнейшую роль в этом органе. Для себя Батенков решил в случае принятия условий Николаем, не принимать места во временном правлении, а перейти к нему. «В случае отречения государя и объявления наследника принять место во временном правлении, дабы обратить оное в регентство и мало-помалу утвердиться, получив силу введением родовой аристократии и, составив, таким образом, связи, действовать по обстоятельствам».

Только после подавления выступления из официальных правительственных документов Батенков с ужасом узнал, что планы тайного общества «были преступнее», нежели он думал. Эти планы оставались Батенкову неизвестными, ибо их приняли вероятно, только 13 декабря, после его встречи с Рылеевым (ВД. XIV. 99–100). Батенков имел в виду правительственные публикации, в которых объявлялось, что целью бунтовщиков были «убийства».¹⁷

Члены Комитета не могли не заметить, что ранее Батенков утверждал, что накануне 14 декабря ему было известно, что тайное общество решило принести в жертву Николая, ибо видело в этом единственное средство в сложившихся условиях ввести конституционное правление, и он с этим согласился. Теперь же Батенков пытался убедить всех, что «ужасные планы стали ему известны» только после событий. Эта метаморфоза легко объясняется влиянием встречи с царем, после которой

¹⁷ Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1825. 15 декабря.

Батенков, по его словам, «уверился, что потерял себя навсегда в мнении государя» (ВД. XIV. 112). Теперь он старался, во что бы то ни стало, поправить положение. Но следователи так аттестовали его показание: «...пространное и преисполненное противоречий и неискренности, в коем видно только одно откровенное признание, что честолюбие и личные виды были побудительными причинами его участия в тайном обществе». Комитет постановил: привести «противоречия в ясность, дав Батенкову и другим лицам дополнительные допросы» (ВД. XVI. 139). Примечательно, что планы Трубецкого комитет не интересовали вовсе.

В тот же день, 22 марта, Батенков представил дополнительные показания — обзор своих поступков с 27 ноября по 14 декабря. Этим документом он вновь попытался реабилитировать себя в глазах императора. В сопроводительном письме к Левашову, написанном на следующий день, Батенков просил спасти его «от тех двух бумаг, кои написал в совершенном отчаянии». Теперь Батенков утверждал, что «не слышал ни одного слова, по которому мог заключить, что покушение 14 декабря предпринято против кого-либо из императорской фамилии и чтоб имели тогда в виду введение демократического правления» (ВД. XIV. 106). Тогда же Батенков вновь обратился с письмом к царю. В этом обращении Батенков сокрушался, что «сделался сам своим ужасным клеветником и обвинителем», другими словами, он отрекался от недавно сделанных признаний (ВД. XIV. 106).

В обзоре своих поступков, который сопровождал письма к царю и Левашову, Батенков всячески подчёркивал неосведомлённость Сперанского о планах тайного общества. Относительно своих личных планов Батенков писал, что его идея состояла в том, что сразу же после кончины Александра I, когда Николай присягнул Константину, следовало эту присягу принять «за отречение» и провозгласить императором великого князя Александра (ВД. XIV. 101). На собраниях у Рыльева были люди, готовые броситься к солдатам и провозгласить Елизавету или Александра. Но порыв этот не реализовался. Батенков одно время даже думал о том, чтобы составить для нового царя записку о состоянии России, показать в ней, что в стране уже появились тайные общества и указать на Трубецкого. Но Батенков опасался, что ему не поверят. Теперь Батенков представлял себя сторонником великого князя Александра, а о женском правлении он полностью забыл, о котором говорили лишь другие лица.

Примечательно, что Батенков вдруг заговорил о А.И. Якубовиче. Пока над Якубовичем висело клеймо потенциального цареубийцы, он отрицал близкое знакомство с Якубовичем. Батенков настаивал на том, что случайно виделся с ним только на именинах. (ВД. XIV. 76, 97). Теперь

следователи перестали видеть в Якубовиче «главного режиссида». Комитет располагал его показаниями о том, что он придерживался лишь мирной тактики, т.е. привести солдат на Дворцовую или Сенатскую площадь и требовать Константина в надежде побудить тем самым Николая отказаться от власти (ВД. II. 289). И Батенков изменил свои свидетельства: «Идучи один раз по тротуару, встретил Якубовича и говорил ему, что молодёжь наша горячиться умеет, но смешно на них в чём-нибудь надеяться, что вернее будет, оставив их при мечтах о конституции, закричать пред толпою народа в пользу удаляемого государя и, ежели погибнуть, то, по крайней мере, оставить воспоминание» (ВД. XIV. 102). В другой раз Батенков сообщил о Якубовиче следующее: «Я решил зайти к Якубовичу ...Мы разговаривали долго, я убеждал Якубовича, чтобы он отстал от молодёжи, которая на словах только храбрится, а лучше бы сам собрал толпу и заставил бы, по крайней мере, кого-нибудь из членов царской фамилии вести с собою переговоры» (ВД. XIV. 103). Другими словами, Батенков старался реабилитировать себя в глазах следствия тем, что пытался предстать перед ним человеком, который направил Якубовича, имевшего репутацию потенциального царевича, на путь мирного давления на власть.

Рассказывая о своих беседах с Трубецким, Батенков нарисовал их общий план, о котором он говорил подробно в предыдущем показании. Однако здесь уже появилась новая деталь. Оба конспиратора опасались, что вся гвардия будет против Николая, им же нужна была запутанная династическая ситуация. Поэтому предложил разделить «конституционеров» на сторонников Николая и приверженцев Константина. Если перевес будет на стороне цесаревича, то либо Николай согласится провозгласить представительный образ правления и признает временное правление, либо же отложит своё вступление на престол, и тогда можно будет «принять сие за отречение» и провозгласить императором Александра.

В этом варианте показаний Батенков приписывает себе инициативу возвести на престол малолетнего сына Николая — ранее он давал понять, что это была идея Трубецкого. Теперь же Трубецкой подаётся так, что он отрекался от выступления ещё до его начала. «Трубецкой сказал мне, что войск, кои могут быть употреблены, немного, что никто из важных военных лиц в сем предприятии участвовать не захочет и что нет даже полковых командиров. Батенков же с ним полностью согласился: «Так и думать не о чем, ибо всякое предприятие опасно». Получалось, что они оба были против выступления 14 декабря.

Рылеев же аттестуется как активный сторонник выступления. Два дня спустя он пригласил к себе Батенкова и сообщил ему, что на сто-